

Беседка

(комедия с лирическим запахом и
мелодраматическими отклонениями)

Действующие лица:

Аполлинарий Адольфович (он же Апа) – пенсионер со стажем.

Викентий Соломонович (он же Вика) – его старый друг аналогичного возраста.

Люся – молодая симпатичная девушка (19 лет).

Гоша – ее жених (22 года).

Тамара – женщина средних лет; может чуть старше.

Алевтина – ее лучшая подруга, примерно того же возраста.

Парк. Беседка. Рядом по аллее шаркают два приятеля глубокого пенсионного возраста. Один с палочкой, другой так же еле волочит ноги.

АПА (тот, что с палочкой). А вот и наша любимая беседка. Сегодня мы, кажется, добрались до нее быстрее, чем прошлый раз.

ВИКА. Еще бы не быстрее! Прошлый раз, если ты помнишь, мы пришли сюда прямо из поликлиники. И после того укола, который нам вколола эта Сатана в белом халате, удивительно что мы вообще способны были передвигаться.

АПА. Да-да, припоминаю. Укол против бешенства. Бродячая собака укусила тебя одного, а укол получили мы оба. Я, так сказать, за компанию. Только должен тебя поправить. Это было отнюдь не в прошлый раз, а несколько раньше. В прошлый раз, если мне не изменяет память, а она за последние семь десятков лет мне еще ни разу не изменила, то... (пауза, в течение которой он рассеянно шарит у себя в кармане пиджака) Где же они?..

ВИКА. Кто?

АПА. Да эти... Как их?! Господи... Кругленькие, беленькие... А, таблетки!.. Неужели оставил в другом пиджаке?!

ВИКА. Таблетки от чего?

АПА. Ну как это от чего! Ты меня просто удивляешь. От этого... (усиленно старается вспомнить, однако ничего не получается; в итоге махает рукой) Ну, в общем ты понял.

Так по ходу дела они заходят в беседку.

АПА. Ну вот наконец-то можно и присесть. А то тогда, ну после тех уколов, мы, как ни пытались, сесть так и не смогли.

ВИКА. Да что там сесть! Ходить могли и то еле-еле. До сих пор не могу понять, как такое очаровательное с виду существо может быть такой стервой!

АПА. Ты о той медсестре, которая в нас иголки вгоняла?

ВИКА. О ней, чтоб ей пусто было! Я вот думаю: может она нам мстила?

АПА. За что это? Кажется, мы ничего плохого ей не сделали.

ВИКА. Да мало ли! Может, мстила за своего деда, погибшего на войне.

АПА. Ты намекаешь, что ее дед сражался на стороне врага?

ВИКА. Почему бы и нет! Вспомни, каким взглядом она нас встретила, когда мы зашли к ней в кабинет. Мне даже на мгновение почудилось, что вместо нее я вижу того мордастого недотепу, который руководил моим расстрелом. Он никак не мог дать последнюю команду; как только поднимал руку, сразу же начинал чихать.

АПА. Да, точно! Теперь и я припоминаю этот взгляд. Да только ты, как всегда, все перепутал. Это меня тогда поставили к стенке. А ты, мой уважаемый Викентий Соломонович, в это время прятался среди руин и со стороны наблюдал, как расстреливают героя-разведчика.

ВИКА. Это ты-то герой-разведчик?! Не смейся мой стеклянный глаз! Клянусь своей вставной челюстью, свет еще не видел такого вруна, как ты! Может тебе напомнить, как я вытаскивал тебя из медвежьей берлоги, в которую ты от страха залез, когда где-то вдалеке разорвался снаряд. Благо медведя дома не было.

АПА. Насколько я помню, мы залезли в эту берлогу вместе. И если память меня не подводит, то ты нырнул туда первый.

ВИКА. Твоя память не только подводит тебя, но еще уникальным образом обростает немислимой фантазией. Надо бы тебя еще раз сводить к нашей милой медсестре, и пусть она вкатит тебе двойную дозу. Только на этот раз не от бешенства, а от вранья. Может, хоть тогда ты признаешь, что всю жизнь был только моей тенью, вторым номером. И что бы ты вообще делал без меня?!

АПА. Ха-ха! Вы только посмотрите на него! Да если бы не я, тебя вообще бы уже... (тут он хватается за сердце и откидывается назад)

ВИКА (встревожено). Что с тобой?! Э-э! Не дури!.. (бросается к другу) Сейчас... подожди... (роется у себя в кармане и достает валидол) Ну-ка, открой рот (пытается засунуть ему таблетку).

АПА (нервно отводит руку товарища в сторону). Что ты со мной, как с ребенком! Таблетки какие-то тычешь. Еще материнскую грудь предложи! Доставай свою флягу. Тоже мне, друг! Как для себя, так он коньяк таскает, на все случаи жизни; хлещет его от всех напастей. А мне, значит, какие-то паршивые таблетки подсовывает! Как дал бы сейчас по лбу! Подай мне мою палку, я наверну ею тебя по башке.

ВИКА. С тебя станется. До сих пор снится, как ты меня огрел костылем по хребту. А прошло, поди, уже лет двадцать. А все из-за чего?! Подумаешь, отбил у него женщину!

АПА (передразнивая). Подумаешь, отбил женщину! Я, между прочим, собирался на ней жениться. И ты это прекрасно знал. Тебе просто стало завидно. На тебя ведь без слез не то что женщины, я никогда не мог смотреть... Да, стало завидно, и ты решил любым способом помешать моему счастью. Это ж надо было додуматься, напоить меня до бесчувствия, положить в постель рядом с какой-то старухой, и предъявить сей факт в качестве официального доказательства моей невесте. А старухе-то было аккурат под девяносто. Что, помоложе поблизости никого не оказалось? Мало того, что ты разрушил мое счастье, так еще и позором меня наградил; мол, совсем мужику невтерпеж, раз его на мумию потянуло. Так что ты еще легко отделался. Всего каких-то полтора месяца в больнице. Еще скажи спасибо, что я не добрался до твоей палаты в первую неделю. Вернее, скажи спасибо санитарам. Это уж потом я немного успокоился, когда...

ВИКА. Когда вскоре нашел себе другую подружку.

АПА. А что мне оставалось делать?! Ей, кстати, тоже можешь сказать спасибо. Не исключено, что меня мог накрыть второй приступ негодования.

ВИКА. Ты хотел сказать: бешенства.

АПА. Нет, бешенством, это чуть было тебя не наградила бродячая собачонка. А у меня, как раз, могло быть именно негодование. Как у интеллигентной личности, и как у умного гомо сапиенса.

ВИКА. Как у кого?..

АПА. Эх, ты! Невежа! Человека разумного.

ВИКА. Слушай, человек разумный, хватит мне зубы заговаривать. Флягу давай!

АПА. Да ради Бога! На, хлещи (протягивает флягу). Но только когда тебя опять скрутит, на меня не обижайся.

ВИКА. Не скрутит (делает несколько глотков). Ох, хорошо! А то таблетки какие-то!.. А не сходить ли нам еще на укольчики к той медсестричке? (лукаво ухмыляется) А? Как ты думаешь? Честно признаться, она мне приглянулась.

АПА. По правде сказать, я на нее тоже глаз положил.

ВИКА (возмущенно). Что значит, тоже?! Ты мне смотри!

АПА. Да ладно, не нервничай. Не хватало еще, чтобы мы поссорились из-за юбки. Уж лет десять, как по этому поводу у нас не возникало никаких недоразумений. Не хотелось бы сейчас возобновлять военные действия на любовном фронте. Я снимаю свою кандидатуру, как соперника. К тому же, ей уже явно за тридцать, а это уже почти антиквариат. Я не коллекционирую рухлядь.

ВИКА. Ах ты старый дырявый башмак! Да за такие слова я тебе уши оторву!.. Десять лет, говоришь, не было недоразумений по этому поводу?! Срок и впрямь впечатляющий! Пора вспомнить былое. Тем более что с тебя должок. За те полтора месяца, которые я по твоей милости провел в больнице (вырывает у приятеля палку). Ну-ка, поворачивайся спиной. Сейчас я буду ломать о твой хребет это средство передвижения (пытается замахнуться, но тут его ведет в сторону и он откидывается назад, вновь хватаясь за сердце).

АПА (бросается к другу настолько быстро, насколько позволяет возраст). Эй, не шути так! Давай-ка, возьми под язык (пытается засунуть ему в рот валидол).

ВИКА (открывает глаза и переводит дух). Ух! Что-то я сегодня не в форме (кривится и уклоняется от протянутой таблетки). Опять ты стараешься засунуть мне в рот эту дрянь! Где фляга?

АПА (с легким раздражением). Да на! Жалко, что ли! Хочешь окончательно себя угробить? На здоровье!

ВИКА. Не переживай. Все нормально (на какое-то мгновение задумывается). Так на чем мы остановились?

АПА. На том, что ты хотел вернуть мне должок. Отправить меня на пару месяцев в больницу посредством моей же палки.

ВИКА. Ладно (снисходительно отмахивается). Должок откладывается. Живи, пока. Но если еще, хоть какое-то кривое слово произнесешь в адрес медсестры, пеняй на себя. Не говоря уже о том, чтобы составить мне конкуренцию.

АПА. Расслабься, Соломонович. Я же сказал, что она не в моем вкусе.

ВИКА. Ты сказал, что она стара для тебя.

АПА. Это одно и то же. К тому же, еще один укол в ее исполнении, и я могу не дожить до светлого будущего.

ВИКА. Да, укольчики у нее еще те! Запоминаются надолго. Надеюсь, ее страсть не менее впечатляющая.

АПА. А ты помнишь ту ночь, которую мы провели в женском общежитии? Я успел тогда до утра сделать, кажется, три предложения руки и сердца.

ВИКА. Да, ты тогда разошелся! А я тебя предупреждал: прежде чем делать следующее предложение, дождись сначала ответа от предыдущего. А так случилось то, что и должно было случиться. Все три девицы, как порядочные воспитанные барышни, взяли время на размышление. Ведь для столь ответственного шага, как вступление в брак, главное, все хорошенько обдумать. А на это нужно как минимум несколько часов. И первая барышня, насколько я помню, как раз оказалась самая ответственная и самая серьезная в этом вопросе. Она дольше всех обдумывала твоё предложение. Второй хватило что-то около часа. А третья и вовсе уложились в десять минут. И вот они одновременно, все трое, пришли к тебе с положительным ответом.

АПА. Да. Как говорить: нарочно не придумаешь. А я, как раз, в это время собирался уже делать очередное предложение. И, кстати, я прекрасно помню, что та последняя девица, которой я так и не успел сделать предложение, понравилась мне больше всех.

ВИКА. И не мудрено. Ведь к тому моменту мы уже допивали последнюю бутылку.

АПА. И как потом эти воспитанные интеллигентные девицы, эти очаровательные особы женского пола вмиг превратились в настоящих ведьм.

ВИКА. Да-а... Еле-еле унесли ноги. Пришлось прыгать с третьего этажа. Благо внизу росла высокая густая трава. А то не избежать бы нам сломанных конечностей. А так, отделались лишь легкими ушибами и вывихами.

АПА. Ну это ты отделался легкими ушибами. А по мне, до того как я сиганул за тобой в окно, хорошенько прошлись швабра, скалка, какое-то самодельное приспособление для сушки белья, и что-то еще, что я плохо уже помню.

ВИКА. Да, было время! А ты помнишь мою первую жену?

АПА. Еще бы мне ее не помнить! Это ведь тоже моя бывшая жена, только третья.

ВИКА. Э, нет, дружище, ты что-то путаешь.

АПА. Как это я путаю! Ты ведь говоришь о Насте?

ВИКА. Вовсе нет. Анастасия, это моя вторая жена. Я говорю о Эсмеральде.

АПА. А! Это которая под два метра ростом?

ВИКА. У тебя, как всегда, опять в голове все перемешалось. Тот телеграфный столб звали Эльвира. И она моей женой так и не стала. Не припомню точно, но кто-то из нас сбежал прямо из-под венца. А Эсмеральда, моя первая жена, хоть и не могла похвастать двухметровым ростом, тем не менее, была тоже вполне примечательна. Она имела два метра в обхвате. Эта крошка даже в самые широкие двери протискивалась с трудом.

АПА. А! Да-да! Вспомнил. У тебя тогда была склонность к таким, мягко говоря, пышным особам. Я бы даже сказал: неудержимая тяга. Это ведь она, Эсмеральда, выиграла на свадьбе пари. Уплела за один присест двух жареных молочных поросенка. В какое там время она уложилась?

ВИКА. Где-то в пределах полутора часов.

АПА. И сколько ты с ней прожил?

ВИКА. Около трех месяцев. За это время она успела разломать, благодаря своему весу, всю мягкую мебель. Лишь один табурет героически выстоял. По большому счету, черт с ней, с той кроватью, или, скажем, с тем диваном. В конце концов, можно прекрасно спать и на полу. Но ведь она же еще была на редкость неповоротлива. Задевала своими габаритами все, что попадалось на пути. Перебила всю посуду, и даже умудрилась сорвать с потолка люстру. Я так и не понял, как это у нее получилось. Ведь люстра висела довольно таки высоко.

АПА. Может она хотела, того?..

ВИКА. Что, того?..

АПА. Ну, повеситься.

ВИКА. Спятил, что ли! С какой стати ей нужно было вешаться?

АПА. Мало ли. Уничтожила мебель, побила посуду... Одно дело, когда жена бьет тарелки в момент семейного скандала, в порыве ярости, и совсем другое дело, когда скромная застенчивая девушка крушит все на своем пути абсолютно против своей воли. Ну, сам посуду. Любое ее движение тут же приводит к тому или иному урону в качестве, толи мебели, толи посуды. С каждым днем накапливается чувство вины. Капля за каплей. А Эсмеральда, как уже отмечалось, не смотря на свои заметные формы, была натура утонченная. В конечном итоге она не смогла подавить в себе чувство вины перед любимым человеком, то бишь перед тобой, и решила покончить с собой. Встала на единственный, оставшийся целым, табурет, ну и... (производит хаотические жесты) Однако крюк не выдерживает, что вполне закономерно, и наша пушинка, наша необъятная Эсмеральда, вместе с люстрой приземляется на пол, издав при этом немножко дополнительного шума.

ВИКА. Приземляется на пол, говоришь? Да если бы она действительно такое сотворила, то оказалась бы не на полу, а в подвале, пролетев через все этажи. И у кого это утонченная натура, у Эсмеральды?! Ты забыл, как она выбросила в окно домовладельца, который не совсем вовремя пришел по поводу оплаты за квартиру?

АПА. Да, я прекрасно помню этот яркий момент! В моей голове за это время вполне могли перемешаться имена твоих жен и связанные с ними события. Но зато я отлично помню, что из окна вылетел не только домовладелец. Вслед за ним выпорхнул и ты, Викентий Соломонович. Домовладелец переломал себе ноги, а вот ты, всего-навсего

запачкал штаны изнутри. Тебе тогда крупно повезло. Ты шлепнулся прямо на домовладельца. Благо тот был в теле, хотя, разумеется, и значительно мельче Эсмеральды.

ВИКА (смущенно). Может я и действительно каким-то образом оступился и случайно вывалился из окна. Но вот испачканные изнутри штаны – это уже явная ложь!

АПА (иронично). Конечно же, ложь. И тот запах, я бы даже сказал, тот неопишуемый аромат, исходящий от тебя после приземления, тоже только почудился всем собравшимся внизу. А на самом деле ты благоухал, как майская роза.

ВИКА. На этот раз я тебя уж точно огрею палкой, уважаемый Аполлинарий Адольфович!

АПА. Ты прямо как моя незабвенная Антонида. Та тоже, чуть что, сразу переходила к рукоприкладству. И при этом совсем не беспокоилась, что у нее в данный момент находится под рукой, сковорода, утюг, или просто веник, она сразу же запускала в меня, чем ни попадя, стоило мне хоть как-то нечаянно ее обидеть. К счастью, снайпером она была никудышным, а потому в девяти случаях из десяти снаряд пролетал мимо цели. Впрочем, тут тоже были свои минусы. Это можно было обозначить, как лотерея. Девять промахов из десяти, это, конечно же, солидный шанс на выживание, если бы не одно но. Какой именно предмет окажется в ее руке в момент того самого одного попадания из десяти? Если это будет веник, или что-нибудь аналогичное ему, не тяжелое и представляющее наименьший риск для травматизма, то это еще, куда ни шло. А вот если сковорода, утюг, или, ну, не знаю там, какой-нибудь молоток для отбивных, то тут уже шансы на то, что бы увидеть следующий восход солнца, значительно уменьшаются.

ВИКА. Ну, раз ты дотянул до сегодняшнего дня, и по своему обыкновению треплешь мне тут нервы, могу предположить, что, в общем и целом, ты вышел из этой передраги счастливым. Не считая поврежденных мозгов (результат, как я понимаю, точное попадание тяжелого предмета), во всем остальном могу тебя искренне поздравить.

АПА. Не хочу тебя огорчать, любезный мой друг, но твои предположения не совсем точны. Антонида действительно несколько раз попала в меня увесистым предметом. Один раз это была сковорода, которая угодила мне чуть пониже лопатки, оставив долго не сходящий синяк, и пару раз моя любимая женушка, кажется, четвертая, произвела точное попадание по мне с помощью чайника. И опять же ни в коей мере это не коснулось моей головы. В первом случае пострадала рука, которую после этого пришлось облачить в гипс, а во втором случае пострадала самая мягкая часть тела. Разумеется, что ломаться там было нечему, а потому я отделался лишь пятном от ожога, поскольку чайник был с кипятком. Пятно, кстати, осталось до сих пор, как напоминание о тех героических временах одного из периодов моей семейной жизни. А вот что относительно повреждения мозгов, так это, мой любезный Викентий Соломонович, надобно поинтересоваться у вас. Уж не вы ли, в незапамятные времена, гонялись за моей курицей, с целью сделать из нее бульон, потому как в вашем хозяйстве, на тот момент, из живности были только пару старых голодных крыс, доживающих свой век в пустом погребе, и облезлый ленивый кот, которого эти крысы, если бы были помоложе, давно бы уже съели, - так вот не вы ли тогда, не справившись с набранной скоростью и на мгновение потеряв ориентир, врезались в забор, пробив его головой?

ВИКА. Ты опять несешь небылицы, дорогой мой Аполлинарий Адольфович! У тебя курей сроду не было. Припоминаю только одного общипанного петуха, кончившего жизнь самоубийством, бросившись под машину. И я вполне понимаю эту несчастную птицу. Какой же нормальный петух вытерпит, когда некого топтать!

Короткая пауза, в течение которой оба просто сидели и о чем-то размышляли; каждый о своем.

АПА. А мне вот сейчас вспомнилось, как мы с войны возвращались. Молодые, счастливые. Какие грандиозные планы у нас тогда были!

ВИКА. Да-а, планы у нас тогда действительно были грандиозные. Весь мир хотели перевернуть. А какие проекты будущего мы рисовали в своих фантазиях! Ты хотел придумать такую машину, которая из грозowych туч вырабатывала бы шампанское.

АПА. Разве это была моя идея? По-моему, это как раз ты мечтал соорудить подобный агрегат. Ведь это ж тебе не давала покоя мысль купаться в шампанском.

ВИКА. Положим, этой мыслью мы заразились оба. И потом, вспомни, как ты всем хвастал, что каждого обеспечишь бесплатным шампанским. И уже начал даже составлять список желающих, чтобы рассчитать, какой на стартовом этапе должна быть мощность производства. Большой список успел составить?

АПА (несколько смущенно). В общем-то, приличный. Кто ж думал, что идея с шампанским, напитком, на то время, сугубо буржуазным и абсолютно непатриотичным, воспримется с таким воодушевлением среди местного населения!

ВИКА. Их воодушевила вовсе не перспектива залиться шампанским и, в прямом смысле, купаться в нем, а то, что оно будет бесплатным. С таким же успехом мы могли бы наладить производство по разведению тараканов. Только представь: нескончаемая очередь, и только две упаковки в одни руки. Какая разница, что это за средство. Главное, что бесплатно. А в хозяйстве, как известно, все пригодится. Я тебе больше скажу. Тема с тараканами представляла бы даже гораздо более высокий интерес среди нашего населения. Ну кто тогда имел конкретное представление о шампанском? Так, раз-два, и обчелся. А употребляли его и того меньше. А тараканы, как ни крути, свои, родные. Можно сказать: национальная достопримечательность.

АПА. Нет, ну тут ты уже явно переборщил, Викентий Соломонович. Ну кому же нужны лишние тараканы? Пусть даже и бесплатно.

ВИКА. Э, не скажи, дорогой мой Аполлинарий Адольфович! Для себя, конечно, лишняя сия живность и не к чему, а вот увеличить прирост этих милых существ в соседней квартире – наслаждение для нашего человека, поистине, просто таки глобальное; масштабно-патриотическое.

АПА. А, ну если в этом смысле, то конечно. Сегодня, понятное дело, это уже вряд ли кого-то заинтересует, а тогда, да-а!

ВИКА. Ошибаешься. Как раз сегодня, в век технического прогресса, неожиданное появление на кухне нового высотного дома пару-тройку тараканов, без сомнения окажется значительным событием для хозяев. Брезгливость к этим кухонным животным со времен нашей молодости усилилась значительно. А значит, если бы мы сейчас решились организовать это производство, я имею в виду разведение тараканов, то ажиотаж был бы более значительным, чем тогда, в нашем далеком прошлом. К тому же сейчас мы могли бы еще и хорошенько разбогатеть на этом. В отличие от тех славных времен, сегодня, все что бесплатно, рождает конкретное подозрение. Возьми какой-нибудь продукт и попробуй сначала предлагать его бесплатно, а потом за деньги. Пусть плата будет небольшая, чисто символическая, но это все-таки деньги. И ты увидишь, что продать этот продукт получится значительно быстрее, чем раздать его бесплатно.

АПА. Ты предлагаешь заняться нам этим бизнесом?

ВИКА. Да куда нам уже заниматься бизнесом! Не ровен час попросят нас ангелы небесные освободить места на этой грешной земле, и полетим мы в невиданные дали вечности, оставив по себе неизгладимую память бестолково прожитой жизни (грустно вздыхает). Эх, кабы можно было прожить ее заново. Возможно, она тогда сложилась бы совсем по-другому.

АПА. Да что ты такое говоришь, Викентий Соломонович! Нам ли жаловаться на судьбу! Да такой прожитой жизнью как у нас, такой насыщенной и разнообразной, вряд ли кто-то сможет похвастать. Во всяком случае, я таких людей не знаю.

ВИКА. Эх, мой дорогой Апа. Насыщенная-то она насыщенная, это правда, и насчет разнообразия спорить не буду, да вот только бестолковая. Не могу вспомнить ничего такого, что по-настоящему согрело бы душу, успокоило, внесло уверенность, что не зря родился, и не зря пролетели все эти годы, мои годы, количество которых я уже и не всегда могу припомнить.

АПА. Эх, мой дорогой Вика. Что я могу тебе на это ответить? Когда ты тащил меня раненого, по болотам, через лес, и каждое мгновение был шанс напороться на врага, разве ты думал тогда, что на старости лет будешь задаваться такими вопросами?.. А тот взрыв на заводе, в результате которого я и еще трое рабочих оказались отрезанными от выхода, и счет шел на секунды. Кто всех спас?!

ВИКА. Я был не один.

АПА. Да, но ты организовал спасательную команду и блестяще ею руководил. И кто как не ты первым бросился тогда в огонь!

ВИКА (задумчиво, с философским оттенком). Да, что было, то было.

АПА. И ты еще смеешь разглагольствовать о бестолково прожитой жизни! Где твоя совесть, уважаемый Викентий Соломонович?!

ВИКА. Наверное, там же, где и твоя, разлюбленный Аполлинарий Адольфович. Что ж это вы, дружище, приводите случаи только в мою пользу? Почему не вспоминаете один январский северный денек, когда я оказался в бескрайних снегах, без упряжки, без припасов, и без каких-либо шансов на выживание? Напомнить тебе, что только благодаря твоему упрямству поисковая группа не прекращала поиски. И что когда всем стало ясно, что шансов найти меня не осталось даже теоретических, и все повернули обратно, не смотря на твои уговоры, ты продолжил поиски в одиночку. И ты нашел меня! Нашел почти уже мертвого. Но что такое «почти», когда просто берешь смерть за хвост и даешь ей хорошего пинка под зад. Ты тогда здорово шуганул мою смерть. Упорхнула, даже адреса не оставила.

АПА. Да, ты тогда был действительно очень плох. И по мнению доктора, практически безнадежен.

ВИКА. Что ж, возможно ты и прав. Возможно моя жизнь не прошла совсем уж бестолково.

АПА. Наша жизнь.

ВИКА. Да, наша жизнь. Давай выпьем за это!

АПА. С удовольствием!

Они сделали по несколько глотков из фляги.

ВИКА (переводя дыхание). А как там поживает твоя соседка? На какой стадии, в данный момент, находятся ваши отношения? Продолжаются военные действия, или, наконец-то, вы перешли к мирным переговорам?

АПА. Даже не знаю, что тебе сказать. По-существу, ни то, ни другое. Вот уже как несколько дней я ее не вижу и не слышу. Очевидно, укатила куда-то. Ох, и стервозная особа! Настоящая ведьма.

ВИКА. Последний раз она устроила тебе довольно таки оригинальную пакость. Кажется, подбросила тебе крокодила, да еще разукрашенного в изощренной форме. Я не ошибаюсь?

АПА. Нет, ты не ошибаешься. Я до сих пор спокойно не могу спать. Раз по десять просыпаюсь за ночь. Перед глазами так и стоит этот кошмар.

ВИКА. Интересно, где она достала эту рептилию? Неужели в зоомагазине?

АПА. Как бы ни так! Стала бы она тратиться! К тому же в зоомагазине ей могли предложить лишь мелкую и совершенно безобидную разновидность. А ей нужен был настоящий африканский крокодил.

ВИКА. Так она что ж, выкрала его из...

АПА. Да, из зоопарка.

ВИКА. Слушай, расскажи мне подробно всю эту историю. Ты ведь уже знаешь все детали?

АПА. В общем-то, да. Как-никак по этому делу было проведено уголовное расследование. Кража государственного имущества, ну и покушение на жизнь.

ВИКА. Я внимательно тебя слушаю.

АПА. С чего же начать?.. Брр!.. Как вспомню, сердце останавливается.

ВИКА. Давай-ка сделаем еще по глоточку, и тебе будет легче рассказывать.

АПА. Да, ты прав. Это совсем не мешает.

Они в очередной раз по очереди приложились к фляге.

ВИКА. А теперь, давай.

АПА. Начну с того, что эта Горгона поклялась, глядя мне прямо в глаза и выпуская изо рта желтую пену, что не успокоится, пока не отомстит мне, как я того заслуживаю. А все из-за того, что я, высунувшись из окна, случайно уронил цветочный горшок. А тут как раз она возвращалась из магазина с полными сумками продуктов. Уже открыла парадную дверь, как буквально в нескольких сантиметрах от нее разбивается цветочный горшок. Она, естественно, пугается, взмахивает руками, сумки разлетаются в разные стороны, и падают на землю, произведя характерный звук разбитого стекла. Сама же Горгона шлепнулась в лужу. А лужа, надо сказать, была отменная. Большая, грязная, и глубокая. И вот сидит эта каракатица в луже, мокрая, вся испачканная, безобразная, и только лупает своими перепуганными, и в то же время злыми зелеными глазами.

ВИКА (с ироничным подтекстом). А ты действительно, случайно уронил горшок? Не была ли это преднамеренная акция на подсознательном уровне? А возможно, даже, и не на подсознательном.

АПА. Нет, это была именно случайность. И то, что горшок не попал ей по голове, конкретное тому подтверждение. Не думаешь же ты, что я промахнулся бы, будь у меня стремление разmozжить голову этой стервозной старой клюшке?

ВИКА. Ни в коей мере. Я отлично знаю твои снайперские способности. А потому беру свои сомнения обратно, и подтверждаю, что это была именно случайность. И добавлю, что случайность вдвойне. Во-первых, ты случайно уронил цветочный горшок, а во-вторых, горшок случайно чуть не попал в голову твоей соседки, то бишь Горгоны. Впрочем, если бы попал, тоже можно было бы отнести этот факт в разряд случайностей. Однако извини, Аполлинарий Адольфович, что прервал тебя. Продолжай.

АПА. Приблизительно двое суток Горгона готовилась к операции под кодовым названием «мечь». Именно двое суток, поскольку спать она была не в состоянии. До тех пор, пока я нахожусь в добром здравии, о сне не могло быть и речи.

Подготовившись должным образом, Горгона приступила к операции.

Ровно в полночь она незаметно проникла на территорию зоопарка. Вольер с крокодилами нашла без особого труда. Ведь не зря же она накануне посетила зоологический парк в рабочее время и хорошенько изучила все те нюансы, которые ей могут понадобиться. Крокодилов было два, самец и самка. Она почему-то решила, что самка более подходящая кандидатура. Очевидно, судила исключительно по себе.

ВИКА. А как она определила, что это самка?

АПА. По определенным отличительным признакам. Она серьезно готовилась, и проштудировала о крокодилах всю информацию, которую смогла найти.

ВИКА. Вот что значит разъяренная женщина! Ни перед чем не остановится, пока не добьется своего!

АПА. Не будем ровнять всех женщин под одну гребенку. Этот экземпляр особый.

ВИКА. Согласен. Извини, продолжай.

АПА. Да, так вот. За пару минут Горгона спеленала бедную рептилию, словно ребенка. Та даже пикнуть не успела.

ВИКА. Так просто взяла и упаковала? Что-то здесь уже конкретно пахнет дьявольскими чарами. Может она действительно ведьма?

АПА. То, что она ведьма, в этом я нисколько не сомневаюсь. Однако вряд ли, будучи лишь в статусе ведьмы, она справилась бы с поставленной перед собой задачей. Как только Горгона приблизилась к крокодилу на опасное расстояние, и тот уже приготовился атаковать, предвкушая вкусный ужин, плавно переходящий в завтрак, она швырнула в него приготовленную заранее бумажную бомбочку с каким-то порошком. Я сейчас не помню, какой там был состав. В итоге, крокодил не только ослеп, но и на какое-то время потерял всякую способность двигаться. Таким образом, главная проблема была решена. Затем Горгона, как уже было сказано, упаковала свой трофей и потащила его домой. Должен отметить, что крокодил был довольно таки крупный, и только диву даешься, как она его смогла транспортировать в одиночку!

Добравшись до своих апартаментов, она распаковала оружие возмездия, и пока крокодил находился еще в стадии полного отключения, намазала его фосфором. После этого она бесшумно пробралась в мою квартиру, положила это обмазанное фосфором чучело в коридоре, а сама вернулась обратно к себе.

ВИКА. Постой, я что-то не совсем понял. Как она проникла в твою квартиру, да еще бесшумно?

АПА. А, это очень просто. Замок у меня, сам видел, никудышный. Можно открыть обыкновенным гвоздем. Вот она и воспользовалась этим обстоятельством. Воровать у меня, сам знаешь, практически нечего; с какой стати ставить секретные замки и бронированную дверь!

ВИКА. И что, после всего этого ты так и продолжаешь держаться того принципа, что раз красть нечего, то пусть заходит, кто хочет? Заходит, кто хочет, и делает, что хочет.

АПА. Нет, конечно. После того ужаса, который мне довелось пережить, я несколько поменял свои приоритеты.

ВИКА. Теперь наверняка забаррикадируешься, как в неприступной крепости.

АПА. Ну, насчет абсолютной неприступности не скажу, а вот позаботиться о том, чтобы далеко не всякий мог беспрепятственно проникнуть в мой дом, подумать не мешает.

ВИКА. Да, но мы немного отвлеклись. Остановились на самом интересном месте. Горгона оставила крокодила у тебя в коридоре, а сама вернулась к себе. И что же было дальше?

АПА. А что дальше! Дальше все произошло по классическому сценарию фильма ужасов. Крокодил очухался и пошел гулять по квартире. А дело, как известно, было глубокой ночью. Меня разбудил звук опрокинутого стула. Я поднялся с кровати, и тут вижу, в полной темноте прямо на меня надвигается светящееся чудовище! Как я оказался на улице, до сих пор не пойму. Как ни старался вспомнить, ничего не получается. С того момента, как я увидел перед собой этот кошмар, и до того момента, как меня, сидящего в песочнице на детской площадке, кто-то привел в чувство посредством пощечины, память как будто бы отключилась.

ВИКА. Да, бедный мой Аполлинарий Адольфович, и натерпелся же ты страху!

АПА. И не говори, Викентий Соломонович. Сам удивляюсь, как сразу не окочурился. Здоровье-то наше уже не то. Каждый подобный стресс может оказаться последним.

ВИКА. А все-таки интересно, какую непосредственно цель преследовала Горгона? На что она конкретно рассчитывала? Чтобы крокодил напугал тебя до смерти, или просто съел?

АПА. Думаю, и то, и другое. Сначала до смерти напугать, а потом съесть.

ВИКА. А мне представляется, что это была, своего рода, перестраховка. Что, мол, если не получится напугать до смерти, и клиент будет еще на этом свете, то уж съесть, или хотя бы откусить жизненно важные органы, получится наверняка.

АПА. Да, Викентий Соломонович, умеешь ты успокоить.

ВИКА. Да ладно тебе, Адольфович, все ведь обошлось!

АПА. Обошлось, слава Богу! Только спать спокойно еще так и не могу.

ВИКА. Ничего, это пройдет. И что, ты так ей это и спустил? Почему не привлек ее к суду? Ведь у тебя же были все основания!

АПА. Конечно же, были. Я мог засадить ее надолго. Да мне следовало все уши прожужжал: нельзя, мол, безнаказанным оставлять подобные вещи. Да ему лишь бы только очередное дело завести! У них ведь там свой план существует.

ВИКА. И все-таки, почему ты отказался?

АПА. Да понимаешь, жалко ее стало. Одинокая, никому не нужна. Может от этого она и стала такой.

ВИКА. Вот тебе на! Да ты, никак, оправдываешь ее!

АПА. Ну, оправдывать, конечно же, не оправдываю, но определенное сострадание к ней испытываю.

ВИКА. Слушай, Апа, а ты, случаем, не влюбился в нее?!

АПА. Ну и придет же тебе такое в голову!

ВИКА. Э, нет, дружище, не увиливай! Я же вижу!

АПА. Да ты спятил, Вика!

ВИКА. Так уж прямо и спятил?

АПА. Да, спятил! Или, не знаю там, коньяк сильно уж повлиял. Хотя, разве для нас это доза! Всего-то по несколько глотков и пригубили.

ВИКА (хитро прищурившись). А как ее на самом деле зовут?

АПА. Кого?

ВИКА. Горгону, разумеется.

АПА. Да откуда мне знать!..

ВИКА. И все же.

АПА. Белла, кажется.

ВИКА. А еще точнее.

АПА. Белла Родионовна.

ВИКА. Ну вот видишь, как все просто!

АПА. Что ты имеешь в виду?

ВИКА. Какой интересный сюжет получается! Прямо как в романе. А не залетела ли тебе в голову мысль, дорогой мой Апа, что Белла Родионовна к тебе не равнодушна, как к мужчине? Что все ее военные действия против тебя, это всего лишь способ обратить на себя внимание, как на женщину. Обыкновенную одинокую женщину, не лишенную еще привлекательности. Сколько ей лет?

АПА. Откуда мне знать!

ВИКА. Но наверняка значительно моложе тебя.

АПА. Значительно-незначительно, но моложе.

ВИКА. И наверняка не совсем уродина.

АПА. Не совсем.

ВИКА. Даже, можно сказать, привлекательная, если посмотреть на нее немножко другими глазами. Вот, например, такими, как сейчас у тебя.

АПА. А какие сейчас у меня глаза?

ВИКА. Добрые и веселые. Хотя и немножко хмельные.

АПА. Потому и веселые, что хмельные.

ВИКА. Знаешь что, у меня идея! Сейчас мы пойдем в магазин, купим бутылку шампанского, коробку конфет, и отправимся в гости.

АПА. К кому это?!

ВИКА. К Белле Родионовне. Я немножко побуду вместе с вами, а потом, как джентльмен, оставлю вас наедине, сославшись на неотложные дела.

АПА (с иронией). Долго думал?

ВИКА. Долго. Почти минуту.

АПА. И как ты себе все это представляешь?!

ВИКА. Да очень просто! Приходим к ней, и ты выдаешь небольшую лирическую тираду. Говоришь, что ни в коей мере не осуждаешь ее. Мало того, даже, в каком-то смысле, понимаешь ее. Что и сам одинок, и хотел бы как-то сблизиться с ней, по-соседски для начала... Фразу «для начала» можешь вслух не произносить. Она и так тебя прекрасно поймет. Ну, и так далее. В общем, не мне тебя учить. Ну что, как идея?

АПА. Даже не знаю... Как-то уж неожиданно все это.

ВИКА. Непожиданно ему! Ты вспомни, как мы раньше действовали в таких ситуациях. Пять минут, и готово!

АПА. То было раньше. А сейчас...

ВИКА. А сейчас что, уже на свалку?! И не стыдно тебе, Аполлинарий Адольфович! Да у нас жизнь, можно сказать, только начинается! Я вот тоже, завтра на укольчик схожу, к своей медсестричке, а там уж, как говорится, дело техники... Ну что, вперед?!

АПА. Ох и развратный же ты тип, Викентий Соломонович! Настоящий Змей-Искуситель!

ВИКА. Кто бы говорил!.. Подымайся, Белла Родионовна уже заждалась.

АПА. Ну что ж, пошли. В конце концов, что я теряю?!

ВИКА. Абсолютно ничего!

Они начинают выдвигаться из беседки, но тут Викентия осенило.

ВИКА. Подожди. Я сейчас (срывает несколько веток сирени и протягивает их Аполлинарию). Вот, держи. Преподнесешь ей в качестве букета. Тем более что сирень, это намного романтичнее, чем какие-то там розы, гвоздики, и прочая банальщина.

Апа берет букет сирени, и оба товарища, держась друг за друга, уходят.
Вскоре появляется молодая пара. Они весело разговаривают, при этом направляясь прямо к беседке.

ЛЮСЯ. Ой, смотри, какая уютная беседка! Давай зайдём в нее.

ГОША. Давай.

Они устраиваются в беседке.

ЛЮСЯ. И все-таки я не понимаю, почему нужно откладывать нашу свадьбу на целую неделю, только из-за того, что твой друг-синоптик предсказал в этот день сильный дождь!

ГОША. Да потому что я не хочу, чтобы в день нашей свадьбы был сильный дождь.

ЛЮСЯ. И ты веришь этому своему Андрею?

ГОША. Как-никак, а он работает в Гидрометцентре. И кому же, как не ему знать, какая будет погода!

ЛЮСЯ. Ну да, конечно! Как я могла забыть! Это ведь он предсказал землетрясение в горах, куда мы собирались съездить на выходные. В итоге пришлось обойтись банальным пикником на берегу озера, где ни с того ни с сего пошел снег, и это не смотря на то, что по всем прогнозам этого просто ну никак быть не должно было. Подумать только, снег в разгар бабьего лета! И где же был твой синоптик со своими прогнозами?!

ГОША. Это было аномальное явление, а потому непредсказуемое.

ЛЮСЯ. Ну да, конечно! Однако хочу тебе напомнить, что никакого землетрясения в горах тогда так и не произошло. Даже намек на него.

ГОША. В любой сфере бывают погрешности. Гидрометцентр – не исключение. Погода, это самое капризное, что существует в природе. Даже капризнее твоей мамы.

ЛЮСЯ. Как ты можешь так говорить о моей маме! Да она души в тебе не чаёт!

ГОША. Да, и поэтому решила жить вместе с нами, не смотря на то, что у нее есть своя квартира.

ЛЮСЯ. Это только на первых порах, чтобы помочь нам.

ГОША. Помочь в чем?! В тотальном контроле над любимым зятем?! Что б он случайно не пошел налево?!

ЛЮСЯ. Как ты можешь думать такое! И это после всего того, что она для нас сделала. Купила нам квартиру.

ГОША. В которой тоже собирается жить.

ЛЮСЯ. Подарила нам машину.

ГОША. На которой сама же и ездит. А меня даже близко за руль не подпускает.

ЛЮСЯ. Она боится, что ты попадешь в аварию. Она волнуется за тебя.

ГОША. Или за машину.

ЛЮСЯ. Ничего подобного!.. Ты все воспринимаешь не так, как есть. В отношении моей мамы тебе всюду мерещатся козни. Она хочет отправить нас в качестве свадебного путешествия в морской круиз. Надеюсь, ты помнишь это.

ГОША. Конечно, помню. Тем более что в круиз она едет вместе с нами.

ЛЮСЯ. Ты просто невыносим! На все у тебя есть ложка дегтя. Между прочим, мамочка пообещала, что когда у нас появится ребенок, она полностью возьмет на себя всю заботу о нем. Представляешь!

ГОША. Конечно, представляю! Бедный ребенок! Практически с самого рождения попасть в колонию строгого режима!

ЛЮСЯ. Интересно, это о какой такой колонии строгого режима ты тут толкуешь?!

ГОША. О самой обыкновенной. О колонии строгого режима имени Розы Эдуардовны.

ЛЮСЯ. Знаешь, мой дорогой Гошенька, это уже слишком! Мама, между прочим, имеет педагогическое образование.

ГОША. А, ну да, конечно! Как же я забыл об этом?! И сколько она проработала в качестве педагога?

ЛЮСЯ (несколько смутившись). Нисколько. Но это ровным счетом ничего не значит. Ведь она же училась!

ГОША. В каком году это было?

ЛЮСЯ. Какая разница! Мама всю жизнь провела на руководящей работе. И она прекрасно знает, как вести себя не только со взрослыми, но и с детьми. Ведь не зря же она несколько лет руководила дошкольными заведениями.

ГОША. Сидя в кресле у себя в министерстве?! Великолепный пример! Ничего не скажешь!

ЛЮСЯ. В конце концов, она в одиночку вырастила меня; потому как мой уважаемый папочка бросил ее, когда мне не исполнилось и двух лет.

ГОША. Вот у вас, у женщин, всегда так; во всем виноваты мужчины! Раз оставил жену с ребенком, значит обязательно подлец и негодяй.

ЛЮСЯ. А у вас, у мужчин, только и существует, что круговая порука. Оправдываете друг друга в любых ситуациях.

ГОША. Твой отец – порядочный человек. Он выплачивал алименты в два раза большие, чем это требовалось по закону. Он с раннего детства забросал тебя всевозможными игрушками. Он души в тебе не чаял. А твоя мамочка, между прочим, только и делала, что пыталась всеми доступными средствами оградить тебя от общения с ним. У нее тогда был какой-то очередной ухажер, которого она в очередной раз пророчила в твои приемные папаша. Но очередной ухажер оказался очередным проходимцем. Выдоил из твоей мамочки все, что мог, и когда с ее стороны встал конкретный вопрос, по поводу узаконивания отношений, слинял, прихватив с собой кое-что на память из семейных ценностей.

ЛЮСЯ. Кто тебе все это рассказал? Откуда ты узнал такие подробности?!

ГОША. От твоей бабушки. Которая, кстати, тебя и вырастила. Или ты будешь отрицать это?

ЛЮСЯ. У мамы, просто, было мало свободного времени. Она работала с утра, и до самого позднего вечера. У нее даже выходные, и то были редкостью. Она всеми силами старалась обеспечить мое будущее. Ведь помочь ей в этом было некому! Подумаешь, папочкины алименты! Да с его зарплатой этих алиментов хватало, разве что только на соски, да пару подгузников. А какую он косметику подарил мне на мое шестнадцатилетие! Стыдно было девчонкам показать! Вообще не разбирается в этих делах!

ГОША. Действительно! Мужчина, и не разбирается в таких элементарных женских вещах! А это ничего, что я тоже в этом мало что смыслю? Если не сказать, что вообще ничего не смыслю.

ЛЮСЯ. Не придумывай лишнего. Ты подарил мне прекрасный парфюмерный набор! Все мои подружки просто обзавидовались!

ГОША. Раз у нас пошел такой откровенный разговор, то должен признаться, что этот прекрасный парфюмерный набор выбрала твоя мама. А я всего лишь тебе его подарил. Все мои попытки выбрать самостоятельно какой-нибудь подарок для тебя, твоя мама тут же забраковывала.

ЛЮСЯ. Ты настоящий ханжа! Ради того, чтобы поддержать мужскую солидарность в отношении моего папочки, ты готов унижить себя в моих глазах элементарным невежеством.

ГОША. О каком таком невежестве ты говоришь?! О том, что я не разбираюсь в женских парфюмерно-косметических тонкостях?! Так для настоящего мужчины это абсолютно нормально! А ты что, хотела бы, чтобы я был знатоком в этих нюансах? А может мне еще стать специалистом женского нижнего белья? И в итоге поменять свою сексуальную ориентацию и стать представителем того самого меньшинства, которое, не ровен час, станет в скором времени большинством.

ЛЮСЯ (заходится веселым задорным смехом). Ой, не могу! Мой Гошенька – голубой! Представляю эту картину! А что (продолжает смеяться), тебе наверняка бы подошло женское платье. Накрасить тебя, разодеть, и, я уверена, вряд ли кто-нибудь заметит подвох.

ГОША. Зря смеешься. К твоему сведению, в одном школьном спектакле я играл женскую роль. И все, между прочим, были в восторге.

ЛЮСЯ. Слушай, а давай кого-нибудь разыграем! Ты переоденешься женщиной легкого поведения, и выйдешь на Окружную. Там, как раз, подобный контингент промышляет. А я спрячусь в кустах и буду снимать на видеокамеру. Во повеселимся!

ГОША. Конечно, повеселимся. Особенно когда меня силой заташат в машину какие-то отморозки. Они ведь не церемонятся с подобными дамочками. А затем, когда они поймут, кто я такой на самом деле, можешь представить, что они со мной сделают.

ЛЮСЯ. Да, я как-то не подумала об этом.

ГОША. И потом, откуда у тебя такие познания? Я имею в виду Окружную. Уж не упустил ли я в тебе чего-нибудь?

ЛЮСЯ. Ты что, с ума сошел?! Да я даже в мыслях себе такого представить не могу!

ГОША. А меня, значит, с нетрадиционной сексуальной ориентацией представить можешь! И в платье с макияжем тоже.

ЛЮСЯ. Но ведь это же в шутку! Глупенький!.. А ну-ка, быстренько, взял и поцеловал меня, чтобы я, случаем, и действительно не подумала, что чуть не вышла замуж за нетрадиционного сексуального типа (обхватывает Гошу за шею и демонстративно подставляет для поцелуя свои губки). Ну, мой рыцарь, я жду.

ГОША (поцеловав Люсю, смотрит ей в глаза). Умеешь ты, в нужный момент, меня обезоружить.

ЛЮСЯ. А как же иначе! Что бы мы стояли, женщины, если бы не способны были укрощать мужское самолюбие. И что бы мы стояли, если бы не способны были любить вас такими, какие вы есть, мужчины, невзирая ни на что.

ГОША. И что бы мы, мужчины, делали без вас, женщин?! (опять целует Люсю) Таких очаровательных, как одна моя любимая девушка, по имени Люся... (от этих слов Люся прижимается к Гоше и чуть было не мурлычет, как котенок, который в этот момент чувствует себя самым счастливым; но тут Гоша добавляет) и таких безмерно назойливых, как, например, ее мама.

ЛЮСЯ (в сердцах отталкивая Гошу). Оставь, наконец, мою маму в покое!

ГОША. Да я бы с огромным удовольствием! Только как это сделать? Она же так за нас беспокоится, что если и вынуждена на какое-то время оставить своего любимого зятя без присмотра и надлежащих нравоучений, то у нее начинается ломка, как у наркомана. Абсолютно не удивлюсь, если в данную минуту она сидит в кустах и наблюдает за нами, дожидаясь удобного случая, чтобы выскочить, как черт из табакерки, и осчастливить нас своим присутствием (обращает свой взор в сторону ближайших зарослей и демонстративно выкрикивает). Роза Эдуардовна, выходите! Мы по вам ужасно соскучились! Ваш ненаглядный зять просто сойдет с ума, если сию же секунду не засвидетельствует вам свое почтение.

ЛЮСЯ. Перестань паясничать! Это уже не смешно. Чего это вдруг ты так взъелся на мою маму? Что она тебе плохого сделала? Она самая лучшая мама в мире!

ГОША. Кто ж спорит. Роза Эдуардовна уникальная женщина. Но хотелось бы, чтобы эта уникальная женщина была где-нибудь подальше от нас. Пусть даже не очень далеко, но чтобы я ее видел как можно реже. Согласен слышать ее по телефону, но не чаще одного раза в неделю; согласен получать от нее Рождественские открытки, и тогда я буду ее по-настоящему обожать. Ты даже не представляешь, как я буду ее любить! Как самую замечательную тещу на свете!

ЛЮСЯ. У тебя просто нет сердца!

ГОША. Неправда. Буквально вчера, когда мы просматривали фильм ужасов, мое сердце колотилось в груди, как бешенное.

ЛЮСЯ. Ну, хорошо. А как ты представляешь нашего ребенка, который будет расти без бабушки? Ведь насколько я поняла, ты против, чтобы моя мама принимала участие в воспитании своего внука.

ГОША. Но ведь я же вырос без бабушки, и, как видишь, нахожусь в полном порядке.

ЛЮСЯ (скептически). Вижу. А еще я вижу, что в результате этого ты утратил в себе что-то очень важное. Что-то вроде связующего звена, между добропорядочностью и здравым смыслом. Эти качества у тебя есть, но они разбросаны в разные стороны, и совершенно не стыкуются друг с другом. А в одиночку каждое из них теряет половину своей значимости.

ГОША. Ты прямо как на колхозном собрании, где обсуждают уборку урожая. Во-первых, как успеть все собрать, и во-вторых, где это все потом хранить.

ЛЮСЯ. Очень смешно! Но вернемся к нашим проблемам.

ГОША. А какие у нас проблемы?! По-моему, все нормально. Скоро наша свадьба, и скоро я стану самым счастливым человеком на этой планете.

ЛЮСЯ. Проблема в том, что ты не любишь мою маму.

ГОША. Я люблю тебя. Разве этого недостаточно?

ЛЮСЯ. Недостаточно!.. Вернее, я не то имела в виду... Я хотела сказать, что... (она смущенно потупила глаза)

ГОША (привлекая к себе Люсю и нежно обнимая ее). Ну-ну, не переживай так. Я готов принять твою маму в качестве «джек-пота». Когда выигрываешь долгожданный приз, как правило, к нему навязывают дополнительный бонус. Нужен он тебе или нет, но ты его принимаешь, потому как, так положено.

ЛЮСЯ (резко отстраняется от Гоши). Значит, моя мама ненужный дополнительный бонус?! А я, значит, долгожданный приз?! Спасибо что хоть не сравнил меня с дефицитным товаром, а мою маму в качестве нагрузки к этому товару. И я еще собиралась замуж за этого человека! Ну, нет, так дело не пойдет!

ГОША. Не хочешь ли ты сказать, что передумала выходить за меня замуж?!

ЛЮСЯ. Еще не совсем передумала, но, боюсь, к этому идет.

ГОША. Ах, так?!

ЛЮСЯ. Именно так!

ГОША. В таком случае, мне здесь делать больше нечего! И в твоей жизни мне тоже делать нечего! Я уйду (и он демонстративно поворачивается, делая вид, что собирается уходить).

ЛЮСЯ. Скатертью дорога!

ГОША. Я в самом деле уйду!

ЛЮСЯ (всем своим видом показывая, что ей все равно). Я поняла. И повторяю: скатертью дорога.

ГОША. Я совсем уйду!

ЛЮСЯ. Передавай привет родным и близким.

ГОША. Я от тебя уйду!

ЛЮСЯ. Не заблудись.

ГОША (все еще не решаясь сделать первый шаг). Итак, я уйду.

ЛЮСЯ. Тебе показать направление? А то такое ощущение, что ты не ориентируешься, куда тебе идти.

ГОША. Не волнуйся, я прекрасно знаю, куда мне идти.

ЛЮСЯ. Я совершенно не волнуюсь. Я отлично знаю, куда ты сейчас пойдешь.

ГОША. Интересно, и куда же?

ЛЮСЯ. Куда-куда. К черту!

ГОША. Ты злишься. Ты не хочешь, чтобы я уходил.

ЛЮСЯ. Да ты сам не хочешь уходить! Разыгрываешь тут спектакль. Или уходи, или...

ГОША (с надеждой в голосе). Или что?

ЛЮСЯ (выдержав многозначительную паузу). Или полюби мою маму.

ГОША. Это твое условие?

ЛЮСЯ. Если угодно, да!

ГОША. Окончательное?

ЛЮСЯ. Окончательное.

ГОША. Бесповоротное?

ЛЮСЯ. Бесповоротное.

ГОША. И никаких смягчающих обстоятельств?

ЛЮСЯ. Никаких.

ГОША. И никакой перспективы на амнистию?

ЛЮСЯ. Никакой.

ГОША (еще немного для вида поколебавшись). Ладно, я согласен.

ЛЮСЯ (бросаясь Гоше на шею). Ой, правда?!

ГОША. Во всяком случае, я попробую.

ЛЮСЯ. Только попробуешь?! (надула она губки)

ГОША. Я сделаю все, что возможно, чтобы полюбить твою маму.

ЛЮСЯ. Гошенька, ты не беспокойся. Мама очень хорошая. Просто ты этого еще не разглядел.

ГОША. Надеюсь.

ЛЮСЯ. Вот увидишь, как только ты взглянешь на нее другими глазами, сразу же поймешь, как ошибался раньше, и какой замечательный человек моя мама!

ГОША. Я уже смотрю на нее совсем другими глазами. С каждым мгновением она становится для меня все роднее и роднее.

ЛЮСЯ. А какая она будет чудесная бабушка для нашего ребенка!

ГОША. Я тут подумал; а что если у нас родится двойня, а то и тройня?

ЛЮСЯ. Ну, так это же будет здорово! Мама с огромной радостью возьмет на себя заботу обо всех малышах! Будь их двое, трое, и даже четверо.

ГОША (почесывая в затылке). А может, все-таки, не стоит так рисковать? Пожертвуем ей одного ребенка, а воспитанием остальных займемся сами.

ЛЮСЯ (вспыхнув). Ты опять за свое! Что значит, жертвуем?!

ГОША. Ну ладно, я не так выразился. Не жертвуем, а проведем, своего рода, эксперимент. Роза Эдуардовна воспитывает одного, мы остальных, сколько их там у нас будет, а потом увидим, что из кого выросло. И тогда все станет ясно.

ЛЮСЯ. Что тогда станет ясно?

ГОША. Способна ли твоя мама быть настоящей бабушкой.

ЛЮСЯ. Я сейчас вспомнила. Кажется, тебя сегодня утром ударило током. Я не ошибаюсь?

ГОША. Было дело, стукнуло немножко, когда я ремонтировал розетку. А к чему это ты?

ЛЮСЯ. А к тому, что стукнуло тебя, очевидно, очень даже конкретно. Иначе ты не нес бы сейчас такую чушь. Это же надо до такого додуматься! Эксперименты он на наших детях собирается проводить! Это ж ни в какие ворота уже не лезет!

ГОША. Ну вот, ты опять недовольна. На тебя не угодишь. Я же просто предлагаю всевозможные варианты. Я ищу альтернативное сосуществование с твоей мамой.

ЛЮСЯ. А ты можешь не искать никаких альтернативных сосуществований, а просто смириться с тем, что моя мама, это член нашей семьи, и что она имеет абсолютно все права, как на заботу о нас, так и на заботу о своих внуках; сколько бы их не было. Надеюсь, ты примешь этот факт, как окончательный вердикт, и поставим на этом точку. Прямо здесь дай мне слово, что отныне моя мама – твоя единственная, и самая любимая теща.

ГОША (тяжело вздыхает) ...!

ЛЮСЯ. Я жду.

ГОША. Эх, была не была! Согласен.

ЛЮСЯ (восторженно). Ну вот видишь, как это все просто!

ГОША. Мне даже самому интересно, насколько меня хватит.

ЛЮСЯ. Не волнуйся, любимый, это только сначала будет немножко сложно, и... несколько непривычно. А потом все пойдет, как по маслу.

ГОША. Будем надеяться.

Какое-то время они просто молча обнимаются.

ЛЮСЯ. Гоша, а ты будешь всю жизнь носить меня на руках?

ГОША. Конечно, милая. Только иногда буду опускать тебя на землю, когда руки мне будут нужны для чего-нибудь другого.

ЛЮСЯ. Гошенька, а ты будешь по утрам подавать мне в постель кофе?

ГОША. Конечно, мой ангел.

ЛЮСЯ. И никогда не будешь разбрасывать по всей квартире свои носки?

ГОША. А когда это я их разбрасывал?

ЛЮСЯ. Сегодня, например. Вернее, вчера вечером. А сегодня я их нашла в разных местах. Один носок под кроватью, а второй почему-то оказался в прихожей. Ты не можешь объяснить мне этот феномен?

ГОША. Ну, котенок, не стоит так уж откровенно реагировать на подобные мелочи. Это просто смешно, честное слово!

ЛЮСЯ. Ничего смешного, между прочим, я здесь не вижу. И это совсем не мелочи! С этого, кстати, все и начинается.

ГОША. С чего все начинается?

ЛЮСЯ. С подобных мелочей. Сначала носки, разбросанные по всем углам, потом трусы на люстре...

ГОША. Мужские или женские?

ЛЮСЯ. Издеваешься?!

ГОША. Вовсе нет. Извини, что перебил. Пожалуйста, продолжай. Очень хочется проследить по твоим словам весь путь эволюции хаоса. Начинается с разбросанных носков, и кончается глобальной мировой катастрофой.

ЛЮСЯ. А что, здесь есть рациональное зерно. Вспомни, как развязывались все войны. Практически из-за пустяка. Из-за какой-то мелочи.

ГОША. Насколько мне известно, все существенные военные конфликты вспыхивали из-за женщины.

ЛЮСЯ. Ну, конечно! Всегда и во всем виноваты женщины!

ГОША. Не всегда, и не во всем. Но в вопросах мирового господства, которое не может в нашем мире достигаться без военных действий, они играли ключевую роль, как стимулы страсти, вдохновения и ревности.

ЛЮСЯ. Интересно, а ради меня ты бы смог развязать мировую войну?

ГОША. Да раз плюнуть! Ради тебя я завоевал бы весь мир!

ЛЮСЯ. Так уж и весь?!

ГОША. Можешь даже не сомневаться! Жаль сейчас не те времена, когда ради дамы сердца проводили долгие месяцы, а то и года, в кровавых поединках какого-нибудь крестового похода. Нынче же все совсем по-другому.

ЛЮСЯ. Да. Нынче, чтобы завоевать сердце любимой девушки, нужно сделать гораздо больше, чем просто рубить мечем головы врагам.

ГОША. Что ты имеешь в виду?

ЛЮСЯ. Я имею в виду, что раньше мужчине достаточно было храбрости и ловкости. А сегодня этого уже недостаточно. Сегодня, чтобы завоевать женщину, мужчина должен еще уметь поступаться своими принципами, уметь обуздывать свои внутренние противоречия, и всегда быть готовым пересмотреть их.

ГОША. Например?

ЛЮСЯ. Например, полюбить свою тещу, как родную маму. Для современного мужчины иногда это сродни настоящему подвигу.

ГОША. Это уж точно!

ЛЮСЯ. И ты этот подвиг совершишь. Ради меня. Ведь так?

ГОША. Милая моя девочка, любимая моя Люся, ради тебя я готов на все. Даже на то, чтобы назвать Розу Эдуардовну мамой. Впрочем, мы ведь эту тему уже обговорили и закрыли.

ЛЮСЯ. Это я так, дополнительный штрих. Чтоб окончательно убедиться.

ГОША. Убедилась?

ЛЮСЯ. Да, любимый. Теперь я спокойна... А что ты подаришь мне на свадьбу?

ГОША. Ну, об этом ты узнаешь только на самой свадьбе. Свадебный подарок должен быть сюрпризом, а иначе неинтересно.

ЛЮСЯ. Как интригующе! Я, наверное, умру от любопытства. А как ты думаешь, можно умереть от любопытства?

ГОША. Очень даже запросто! К примеру, полюбопытствовать, как устроена гильотина, и попробовать самостоятельно разобраться в ее механизме. Или, допустим, проявить нездоровый интерес к электрическому стулу, и испробовать лично на себе те незабываемые ощущения, которые выпадают на долю осужденных.

ЛЮСЯ. Ну что за чепуху ты несешь?! Даже противно слушать!

ГОША. Да, ты права. Извини. Я, кажется, действительно нагородил черт знает что. Давай сменим тему.

ЛЮСЯ. С удовольствием! Так все-таки, какой свадебный подарок ты мне приготовил? Ну хоть чуть-чуть приподними завесу!

ГОША. Это называется, сменили тему! Расслабься, мой ангел. Свадебный подарок потому и называется свадебным, что его получают на свадьбу. А иначе, какой же это свадебный подарок!

ЛЮСЯ. Я полностью с тобой согласна. Но ведь я же не требую его сейчас. Я просто хочу узнать, что это за подарок. Вот и все!

ГОША. Но это уже будет не сюрприз.

ЛЮСЯ. Ну, хоть намекни! Ну, пожалуйста!

ГОША (с театральной напыщенностью). Мужчина должен быть стойким и не поддаваться на женские чары. Поэтому я говорю тебе: нет.

ЛЮСЯ (попытавшись надуть губки). Ах, так! Решил на мне испробовать свою стойкость! Значит, мои чары на тебя уже не действуют?!

ГОША. Конечно же действуют, глупенькая. Но только разве тебе самой не будет стыдно за меня, если я буду каким-то мягкотелым, рохлей, или там, не знаю, тряпкой, что ли!

ЛЮСЯ. Разумеется, я этого не хочу. Разумеется, мне это будет неприятно. Однако и упрямого барана мне тоже как-то не очень хочется в тебе видеть.

ГОША. Это я-то упрямый баран?!

ЛЮСЯ (становится в позу). Ты!

ГОША. У тебя есть три секунды, чтобы извиниться.

ЛЮСЯ. Сейчас, разбежалась!

ГОША. Осталось две секунды.

ЛЮСЯ. Не сбейся со счета.

ГОША (так же монотонно). Осталась одна секунда.

ЛЮСЯ. Прямо как математическая олимпиада!

ГОША. Всё!

ЛЮСЯ. А теперь сигналы точного времени!

ГОША. Время истекло.

ЛЮСЯ. Теперь мне, наверное, из принцессы следует превратиться в какую-то замарашку, и на этом наша сказка закончится.

ГОША. Нет, это я из принца превращаюсь в упрямого барана и иду искать свое стадо.

ЛЮСЯ. В смысле, идешь искать собратьев по разуму? (не удерживается от смеха)

ГОША. Ах, значит ты так?! Решила проявить свою принципиальность! Показать свой характер!

ЛЮСЯ. Да, решила. Тебе можно проявлять свое упрямство, которое ты называешь стойкостью, а мне, что же, нельзя?! Нет уж, мой милый, у нас равноправие! И коль тебе захотелось поиграть в принципиальность, изволь, я предоставлю тебе ее в полной мере с обеих сторон!

ГОША. И какое же это упрямство я проявляю?

ЛЮСЯ. Не желаешь удовлетворить мое любопытство. Никак не хочешь признаться, что за свадебный подарок ты мне приготовил.

ГОША. Опять двадцать пять! И из-за этого ты начала разыгрывать тут целую трагедию?!

ЛЮСЯ. Да какую трагедию! Ты понятия еще не имеешь, что такое настоящая трагедия. И если не скажешь сию же секунду, в чем заключается твой свадебный подарок, я тебе устрою такую трагедию, что мало не покажется!

ГОША. Вот тебе яркий пример, как из-за ерунды, из-за мелочи, которую даже под микроскопом не разглядеть, разгорается глобальный конфликт.

ЛЮСЯ. Ты считаешь, что мое неудовлетворенное любопытство, это мелочь?!

ГОША (с видом олимпийского спокойствия). Самая, что ни на есть, мелкая.

ЛЮСЯ. Эх, слышала бы это моя мама! Уж она бы достойно тебе ответила!

ГОША. Не смей подключать к своим глупостям мою любимую, мою глубокоуважаемую тещу!

ЛЮСЯ. С коих это пор моя мамочка стала твоим кумиром?!

ГОША. С тех самых пор, когда пообещал тебе полюбить ее.

ЛЮСЯ. Можешь забрать свое обещание обратно! Не хватало еще, чтобы ты настроил против меня мою же собственную маму!

ГОША. А это превосходная идея! Это был бы колоссальный прорыв в психологии семейных отношений! Теща и зять – единое целое! Да мне же при жизни памятник поставят!

ЛЮСЯ. Размечтался! С огромным интересом посмотрю, как мамочка выбьет из тебя всю спесь, и поставит в прихожей, в виде чучела. Вот тебе и будет памятник при жизни! Ты ее тяжелую руку знаешь!

ГОША (несколько притихший). Да уж, знаю. Помню, как она, по доброте душевной, прихлопнула комара на моем лбу. Минут пять потом перед глазами плавали круги. Я уж думал, что без сотрясения мозга не обошлось.

ЛЮСЯ. Так что выбей из головы свою дурацкую идею настроить против меня маму. Иначе в ответ получишь двойной удар.

ГОША. Да это я уже понял. Что ж, буду держаться от Розы Эдуардовны как можно дальше.

ЛЮСЯ. Правильно... Впрочем, я не совсем поняла, что ты хочешь этим сказать?

ГОША. То, что в свадебное путешествие мы поедем без твоей мамы, и то, что жить в своей квартире мы будем тоже без нее.

ЛЮСЯ. Ах, ты вот так заговорил! Значит то, что ты дал обещание, то, что поклялся... оказывается пустые слова?! Где же твоя хваленая мужская принципиальность?

ГОША. Начнем с того, что я не клялся. Этого еще не хватало! А свое обещание, любить Розу Эдуардовну как свою маму, я, по твоей же настойчивой просьбе, забрал обратно. И теперь у тебя не будет абсолютно никакого повода, как для волнений, так и для того, чтобы подозревать меня в том, что я подбиваю клинья к твоей матери, с целью перетянуть ее на свою сторону, и таким образом оставить тебя в подавляющем меньшинстве.

ЛЮСЯ. Как ты лихо перевернул все с ног на голову! И я, как последняя дурочка, повелась на это! Ты специально затеял этот разговор, чтобы убедить меня в том, что маме лучше жить отдельно от нас! Ты спровоцировал меня!

ГОША (иронично). Какой же я все-таки умный и талантливый стратег! Как гениально я все устроил! Никогда не подозревал, что у меня такие способности. Что же мне теперь с этими способностями делать? Наверное, надо идти в секретную разведку. Так лихо обработать тебя может только настоящий профессионал! Стану шпионом мирового класса. Хочешь быть женой знаменитого шпиона?

ЛЮСЯ. Шпион не может быть знаменит, иначе это не профессионал, а полный дилетант. Знаменитым он становится, когда его рассекречивают. Однако вряд ли такая популярность пойдет ему на пользу. Сидеть до конца своей жизни в тюрьме и писать никому ненужные мемуары – вот удел любого знаменитого шпиона.

ГОША. Да, я как-то сие не учел.

ЛЮСЯ. Ну разумеется! С твоим-то интеллектуальным потенциалом!

ГОША. Ты что-то имеешь против моего интеллекта?

ЛЮСЯ. А ты вспомни, как помогал мне сдавать экзамен по химии! По твоей милости школа лишилась лаборатории, а я лишилась аттестации.

ГОША. Но ты же потом пересдала!

ЛЮСЯ. Да, но чего мне это стоило!

ГОША. Кто ж виноват, что ты такая бестолочь!

ЛЮСЯ. Что?! Я бестолочь?!

ГОША. Конечно! Самая настоящая бестолочь. Это ведь ты перепутала реактивы! Вот и произошел взрыв. Хорошо, хоть сама не пострадала. Отделалась лишь заиканием на несколько дней. Я же тебе все разжевал, написал, вывел в формулах, а ты...

ЛЮСЯ. А что я! Я пришла на экзамен уставшая и вся разбитая. Кто меня всю ночь в постели мучил?!

ГОША (иронично усмехаясь). Кошмары, наверно.

ЛЮСЯ. Да, кошмары по имени Гоша. Я же просила тебя, дай мне выспаться. А ты что?!

ГОША. Что?

ЛЮСЯ. Тебе надо расслабиться! Полностью отвлечься от экзамена! Это самый верный способ!

ГОША. А что, это действительно верный способ. Я на себе проверял, когда сдавал экзамен по физике. Главное, в последнюю ночь перед экзаменом вообще о нем не думать. А иначе наутро у тебя будет такая каша в голове, что в тот момент, когда нужно будет выудить из памяти правильный ответ, он просто затеряется в хаосе беспорядочных мыслей; и будешь ты стоять перед экзаменатором и бессмысленно лупить глазами, не в состоянии ничего путного ответить.

ЛЮСЯ. Минуточку! А ну-ка просвети меня, чем это ты занимался в последнюю ночь перед экзаменом по физике?

ГОША. Не волнуйся, совсем не тем, чем занимались мы перед твоим экзаменом по химии. Я с друзьями всю ночь просидел в баре. Выдул литра три пива, а утром пришел на экзамен и сдал его на отлично. Так что, как видишь, данная технология действует вполне исправно.

ЛЮСЯ. Тогда почему эта технология подвела меня?

ГОША. А кто тебе сказал, что она подвела тебя?!

ЛЮСЯ. Но как же!.. Лаборатория, взрыв...

ГОША. Вполне возможно, что благодаря этой технологии пострадала всего лишь одна лаборатория. В противном случае могла пострадать вся школа. Ты об этом не задумывалась?

ЛЮСЯ. Мне как-то не приходило это в голову.

ГОША. Вот видишь! Оставь я тебя тогда одну, ты провела бы тоже бессонную ночь, но только наедине со своими мыслями об экзамене, и к утру они бы тебя так доконали, что спустя каких-то несколько часов на месте школы обнаружили бы дымящиеся руины.

ЛЮСЯ. Что ж, вполне убедительно. Но как же тогда с другими экзаменами? Например, по литературе. Я всю ночь просидела над книжкой, и в итоге сдала блестяще.

ГОША. Это вполне объяснимо. Литература, это не химия. В принципе, химия, это самый, я бы сказал, опасный предмет. Да что я такое говорю! Химия просто сама по себе, опасная наука. Все остальные школьные предметы – обыкновенны и безобидны. Поэтому именно перед экзаменом по химии я и провел с тобой ту незабываемую ночь.

ЛЮСЯ. Не отрицаю, ночь и в самом деле была незабываемой.

ГОША. И как результат: школа на месте, а лабораторию через какой-то месяц восстановили.

ЛЮСЯ. А может мне тоже, нужно было всю ночь провести в баре, выдуть три литра пива, тогда глядишь, и лаборатория была бы цела. Как ты считаешь?

ГОША. Считаю, что пора тебя поцеловать.

ЛЮСЯ. Я не против.

Они целуются.

ГОША. Кстати, в ту ночь, перед твоим экзаменом по химии, я и понял окончательно, что никакая другая девушка, кроме тебя, мне не нужна. И что только с тобой я хочу провести всю свою жизнь. С тобой, и...

ЛЮСЯ. И?..

ГОША. И с нашими детьми, конечно! Не с мамой же твоей, разумеется!

ЛЮСЯ. Опять ты нападаешь на мою мамочку! У тебя прямо таки какая-то мания! Так знай же! Мама будет жить с нами! И в свадебное путешествие мы поедем тоже с ней! И детей наших она будет воспитывать! Всех, а не избранных! И ты ее будешь называть мамой! Или... Или можешь сейчас же уходить ко всем чертям!

ГОША (спокойно выслушав эту тираду, так же спокойно отвечает). Другими словами, ты ставишь мне ультиматум. Либо я беру тебя вместе с твоей мамой, либо ты отказываешься быть моей женой. Так надо понимать?

ЛЮСЯ. Именно так! Ты очень точно уловил суть моей позиции.

ГОША. Мало того, что я очень точно уловил суть твоей позиции, я еще, кажется, уловил суть проблемы. Ты не хочешь оставлять свою маму одну. Ведь у нее кроме тебя никого нет. Она очень одинока. У нее нет настоящих подруг, нет друзей, есть только надоевшая уже работа, давно не приносящая морального удовлетворения, и есть ты, единственное, что ей дорого в этой жизни. А посему, пусть будет по-твоему. Я хочу, чтобы ты была счастлива. И если для этого нужно, чтобы твоя мама стала и моей мамой, то как я могу противиться этому. Пусть же отныне Роза Эдуардовна по-настоящему станет моей мамой. Родной матери у меня уже давно нет, она, как ты знаешь, умерла восемь лет назад, так что твоя мама вполне может ее заменить; настолько, насколько это вообще возможно.

ЛЮСЯ (бросаясь Гоше на шею). Гошенька, милый мой, любимый, ты такой замечательный! Какая же я дура была, когда обижала тебя по всякому незначительному поводу! Я больше никогда не буду обижать тебя. Ты у меня самый любимый, ты у меня единственный!

ГОША. Не считая мамы, конечно.

ЛЮСЯ. Мама, это совсем другое.

ГОША. Слушай, а может, выдадим Розу Эдуардовну замуж? У меня есть отличная кандидатура!

ЛЮСЯ (отстраняясь от Гоши и пристально глядя ему в глаза). У меня что, слуховые галлюцинации? А ну повтори, что ты только что сказал!

ГОША. А что, это было бы здорово! Ведь твоя мама, как женщина, еще о-го-го!..

ЛЮСЯ. Так, стоп, минуточку!.. Ты предлагаешь выдать мою маму замуж, и таким образом надеешься избавиться от нее?!

ГОША. Ну почему избавиться! У нее появится муж, которого она будет любить, и который, в свою очередь, будет обожать ее.

ЛЮСЯ. Ты хочешь отнять у меня мою мамочку! Отдать ее какому-то проходимцу!

ГОША. Почему проходимцу! Это очень интеллигентный человек, профессор.

ЛЮСЯ. Да мне все равно, кто он! Как ты можешь вообще такое предлагать?! Выдать маму замуж! Звучит, будто сплавить с рук!

ГОША (начиная раздражаться). Нет, это просто невыносимо! Все, что я не предложу в отношении твоей мамы, ты воспринимаешь в штыки!

ЛЮСЯ. Вовсе нет. Твое предложение, жить одной семьей – я, мама и ты – вполне меня устраивает.

ГОША. Но ты же меня недослушала! Я вовсе не имел в виду, что Роза Эдуардовна выйдет замуж и будет жить отдельно от нас. Мы будем жить все вместе, одной семьей, вчетвером. А со временем и впятером, когда у нас появится ребенок.

ЛЮСЯ (иронично). Или вшестером, если родится двойня.

ГОША. Именно так.

ЛЮСЯ. Значит, ты хочешь привести в наш дом чужого человека, и сказать: Люсенька, познакомься, это твой папа; он будет с нами жить. Так, что ли?!

ГОША. Вообще-то, это должна будет сказать твоя мама. Это ведь она, в конце концов, приведет его в наш дом. А я их только познакомлю.

ЛЮСЯ. Очень интересно! Он их только познакомит!

ГОША. Я, что-то, совсем ничего не понимаю! Ты против того, чтобы твоя мама была счастлива? Да ты просто эгоистка!

ЛЮСЯ. Ах, это я эгоистка! Да ты задумал это только для того, чтобы мамочка переключила свое внимание с тебя на какого-то пьяницу!

ГОША. Профессора.

ЛЮСЯ. Как будто профессор не может быть пьяницей!

ГОША. Этот – не может.

ЛЮСЯ. Ну конечно!

ГОША. Ему просто противопоказан любой вид алкоголя.

ЛЮСЯ. А, так у него еще и со здоровьем совсем паршиво! Мужчина, которому нельзя пить, уже не мужчина. Зачем мамочке какой-то доходяга?!

ГОША. Он активно занимается спортом. Каждое утро делает пробежку на десять километров.

ЛЮСЯ (возмущенно). Этого еще не хватало! Уж лучше бы он был доходягой! Все ж меньше вреда. А теперь он заставит бегать вместе с собой и маму. Она ведь такая отзывчивая! Она не откажет ему. Побежит вместе с ним, и ее сердце не выдержит! Ты хочешь убить мою маму!

ГОША. Ну, все, мне это надоело! (срывается и выходит из беседки)

ЛЮСЯ. Ты куда?!

ГОША (не оборачиваясь). Пойду, повешусь!

ЛЮСЯ. Гоша, не смей! (выбегает за ним следом) Стой!.. Гошенька!..

Оба исчезают со сцены. Через короткое время появляются две женщины среднего возраста, Тамара и Алевтина.

ТАМАРА. Кажется, здесь.

АЛЕВТИНА. Ты уверена?

ТАМАРА. Конечно. Не такая уж я и пьяная вчера была, чтобы не узнать эту беседку. Впрочем, меня смущает ее цвет. По-моему вчера она была другого цвета.

АЛЕВТИНА. Это ты вчера была другого цвета. Ну, где ты потеряла свою брошку?

ТАМАРА. Где-то здесь. Давай поищем.

Они начинают искать вокруг беседки.

АЛЕВТИНА. Нет, так мы ничего не найдем. Надо опуститься на колени и тщательно, сантиметр за сантиметром, пропесочить всю территорию. Смотри, какая густая трава!

ТАМАРА. Ты предлагаешь мне ползать здесь на четвереньках?!

АЛЕВТИНА. А что такого! Ты вчера прекрасно смотрелась в этой позе.

ТАМАРА. Только не надо придумывать! Я была в полном порядке.

АЛЕВТИНА. Да, если не учитывать того, что ты купалась в фонтане и тебя добрых полчаса нельзя было вытащить.

ТАМАРА. Да, купалась, потому что было жарко. И вообще, могу ли я на «день рождения» своего сына немножко расслабиться! Тем более что он вчера стал совершеннолетним. И купание в фонтане как нельзя лучше подчеркивает это знаменательное событие.

АЛЕВТИНА (махнув рукой). Подчеркивает, подчеркивает. Давай-ка продолжим искать твою семейную реликвию.

ТАМАРА. Да, ее надо обязательно найти! Эта брошь имеет магическую силу. Да-да, не смейся.

АЛЕВТИНА. А я и не смеюсь вовсе. Мне прекрасно известна эта легенда. Триста лет назад ее сделал один ювелир, жена которого была ведьмой. И она наложила на эту брошь определенное заклинание.

ТАМАРА. Именно так и было.

АЛЕВТИНА. Только вот какое конкретно заклинание, так никому и неизвестно. Я слышала пять или шесть вариантов. И этих вариантов со временем становится все больше и больше. И каждая очередная новая версия интереснее предыдущей.

ТАМАРА. Вариантов и вправду хватает. Но ведь мне-то известна истинная история.

АЛЕВТИНА. И что, она не похожа на все остальные?

ТАМАРА. Абсолютно.

АЛЕВТИНА. А кроме тебя ее еще кто-то знает?

ТАМАРА. Мой дед знал. Но его давно уже нет, и потому я единственная, кто обладает этим секретом.

АЛЕВТИНА (становясь на четвереньки, начинает поиски, продолжая при этом разговаривать с подругой). И что, так ни с кем и не поделишься этим секретом? И это ты, которая никогда не умела держать язык за зубами! Что-то не верится.

ТАМАРА (продолжая стоять и наблюдать, как ее подруга ползает в траве). Ты меня просто плохо знаешь. Когда надо, я умею хранить тайны. И то, что я никому не рассказала настоящую историю этой брошки, яркое тому подтверждение.

АЛЕВТИНА. Ну а мне расскажешь? Как-никак, а я твоя лучшая подруга. Мы, можно сказать, одно целое.

ТАМАРА. Конечно же, ты моя лучшая подруга. Мы знаем друг о друге практически все. Но эту тайну, извини, я тебе не открою. Можешь на меня обижаться, только это ничего не изменит (в этот момент она тоже пытается встать на четвереньки, но тут же хватается за поясницу и тяжело вздыхает). Ох, как кольнуло! Нет, я лучше присяду (медленно заходит в беседку, держась за бок, и садится). Ну вот, совсем другое дело. Где же это меня так прострелило?!

АЛЕВТИНА. Как где! В фонтане, конечно! А я тебя предупреждала! Но ты ведь была в таком состоянии, что тебе все было по барабану!.. (подымается на ноги) Нет, так мы не найдем ее. Тут нужна рота солдат (тоже заходит в беседку и садится). Так что, подруга, так-таки и не поделишься со мной настоящей историей про брошку?

ТАМАРА. Я же уже сказала, нет.

АЛЕВТИНА. Да, видно и впрямь секрет того стоит. Раз уж ты мне не хочешь сказать, то... А может ты блефуешь, подруга?! Может ты сама не знаешь, как оно на самом-то деле? Придумала сначала одну легенду, другие потом подхватили эстафету, и легенда начала обрастать разнообразными, частенько противоречащими друг другу, вариантами. А, Томка, признайся!

ТАМАРА. Алька, прекрати этот вопрос. Я тебя прекрасно знаю. И ты меня тоже знаешь. Этими своими подковырками ты ничего не добьешься. Можешь верить, можешь не верить, но я одна знаю истинное происхождение брошки, и какими магическими свойствами она обладает. А так же можешь ни капли не сомневаться, что эту тайну ты из меня не вытянешь.

АЛЕВТИНА. Ну и пожалуйста! Подумаешь! Больно-то и надо! У меня, между прочим, тоже есть сугубо личный секрет. Я могла бы только тебе его раскрыть, как самому доверенному лицу, но раз у тебя есть секрет, которым ты даже со мной не желаешь поделиться, тогда и мой секрет будет для тебя за семью печатями. Вот!

ТАМАРА. Да знаю я твой секрет!

АЛЕВТИНА. Откуда ты его можешь знать?! Если даже я сама, и то... (она резко замолчала, не понимая, что она только что сказала)

ТАМАРА. Что-то ты, подружка моя, того, заговариваться стала. Никак ты и сама не до конца в своем секрете разобралась.

АЛЕВТИНА. А ты точно в курсе?

ТАМАРА. Что твоя дочь не от твоего законного супруга? Конечно в курсе.

АЛЕВТИНА. Откуда ты узнала?!

ТАМАРА. Да не пугайся ты так! Никто мне не говорил это.

АЛЕВТИНА. Тогда, откуда?

ТАМАРА. А ты не понимаешь?

АЛЕВТИНА. Нет.

ТАМАРА. Все очень просто. Сама догадалась.

АЛЕВТИНА. Как так?!

ТАМАРА. Машка-то на Антона, ну совсем не похожа! Я раньше не замечала, а потом как-то обратила внимание. Начала присматриваться, искать хоть что-то, что

помогло бы в твоей дочери увидеть ее отца; отца, которого она таковым считает. Хоть какие-то минимальные черты! Но так ничего и не обнаружила. Тогда я вспомнила твою бурную молодость. А так же вспомнила, что даже незадолго до твоей свадьбы с Антоном, у тебя еще продолжались тайные бурные романы.

АЛЕВТИНА. Если бы ты знала, Томка, как меня это тяготит. Особенно в последнее время. Иногда мне кажется, что Антон догадывается, что Машка не его родная дочь. Иной раз замечаю, как он пристально на нее смотрит, и у меня буквально ноги подкашиваются.

ТАМАРА. Ты никогда не думала, чтобы признаться ему?

АЛЕВТИНА. Думала, конечно. Когда поняла, что беременна, то и дело собиралась ему признаться, попросить прощения... И он бы простил меня, я уверена! Но так и не собралась с духом. Все откладывала, пока не поняла, что уже поздно... Что Антон вряд ли меня простит после стольких лет молчания.

ТАМАРА. А Машка?

АЛЕВТИНА. А что Машка! Она души в нем не чает; так же, как и он в ней. Не поверишь, у меня иногда даже возникает чувство ревности.

ТАМАРА. К Антону или к Машке?

АЛЕВТИНА. К обоим. Представляешь!

ТАМАРА. Да, подруга! Тебе надо срочно что-то предпринимать.

АЛЕВТИНА. Что, к примеру?

ТАМАРА. Ну, например, родить. Только на этот раз уже от Антона.

АЛЕВТИНА. С ума сошла?! В моем-то возрасте!

ТАМАРА. Да какие наши годы, Алька! Мы еще о-го-го, как можем! Или ты себя уже записала в старухи?

АЛЕВТИНА. Да нет, конечно! Скажешь тоже!

ТАМАРА. Ну вот, а я о чем!

АЛЕВТИНА. Однако насчет родить, это ты немного того, Томка, загнула.

ТАМАРА. И ничего я не загнула. Он как у тебя глазки сразу заблестели! Э, подруга, да ты, видать, и сама об этом время от времени подумываешь. Ну, признайся!

АЛЕВТИНА. Да ничего подобного! Ну в самом деле, сама посуди. Я же стану посмешищем на всю округу! Только представь меня с животом!

ТАМАРА. Очень даже хорошо представляю. Мало того, уверена, что все остальные будут тебе завидовать.

АЛЕВТИНА. Так уж и завидовать!

ТАМАРА. Чтоб ты даже не сомневалась. В твои-то годы, и решиться забеременеть!

АЛЕВТИНА. Вот именно! В мои-то годы!

ТАМАРА. Не дрефь, подруга! Мы покажем всем этим завистникам, что такое настоящая женщина.

АЛЕВТИНА. И завистницам.

ТАМАРА. И завистницам, естественно.

АЛЕВТИНА. А что, может действительно попробовать?

ТАМАРА. Да это будет фурор, Алька! И подумай, в конце концов, как Антон к этому отнесется.

АЛЕВТИНА. Да я, как раз, об этом и думаю. А вдруг, если он догадается про Машку, и тут начнет придумывать, бог знает что!

ТАМАРА. Глупая! Да он от счастья на руках тебя носить будет! Если, конечно, его грыжа позволит.

АЛЕВТИНА. Нет, тут надо хорошенько подумать, прикинуть.

ТАМАРА. Да что тут прикидывать?! Ты меня просто удивляешь! Ты любишь Антона?

АЛЕВТИНА. Конечно.

ТАМАРА. Ребенка от него иметь должна? Как жена, как единственная для него женщина.

АЛЕВТИНА. В принципе, должна.

ТАМАРА. Что значит, в принципе?! Я тебя не понимаю.

АЛЕВТИНА. Должна.

ТАМАРА. Вот! Так в чем же дело?

АЛЕВТИНА. Даже не знаю.

ТАМАРА. Что, действительно боишься, что Антон заподозрит неладное?

АЛЕВТИНА. Боюсь.

ТАМАРА. А что, есть повод?

АЛЕВТИНА (смущенно). Как тебе сказать.

ТАМАРА. Ну, Алька, ты даешь! Давай-ка, рассказывай!

АЛЕВТИНА. Да нечего рассказывать. Просто мой шеф...

ТАМАРА. Это тот старый козел, с которым ты отплясывала в прошлую субботу на банкете?

АЛЕВТИНА. Он самый. Егор Евграфович. И мне кажется, Антон приревновал меня к нему. Вида он, конечно, не подал, но я ведь знаю его, как облупленного.

ТАМАРА. А у тебя что, с этим твоим Евграфовичем что-то было?

АЛЕВТИНА. Да какой он мой! Приглашал меня несколько раз в ресторан, но я ему сначала отказывала, ссылаясь на занятость, а потом, когда эти приглашения стали уже навязчивыми, прямо ему и сказала, чтобы он оставил всякие попытки в отношении меня. Что у меня есть любимый муж, и что я не собираюсь обманывать его.

ТАМАРА. И как отреагировал на это твой шеф?

АЛЕВТИНА. Извинился, и пообещал, что впредь этого больше не повторится.

ТАМАРА. А он что, серьезно собирался за тобой приударить?

АЛЕВТИНА. Даже очень серьезно. Представляешь! У него под боком такая сногшибательная секретарша, Настя, а он, старый пень, на меня глаз положил. Ну не идиот?!

ТАМАРА. Это лишний раз доказывает, что ты еще вполне можешь дать фору любой молодой дурехе, у которой кроме внешности ничего практически и нет.

АЛЕВТИНА. Ты совершенно права, Томка. Настя, хоть и красивая девчонка, но глупая, как мои стоптанные башмаки. Не удивительно, что шеф ее игнорирует. О чем ему с ней говорить?

ТАМАРА. Ну, не скажи. Говорить, может, ему с ней и не о чем, а вот просто расслабиться, провести незабываемую ночь в каком-нибудь шикарном гостиничном номере, это, я думаю, даже с такой безмозглой особой как Настя, этому старому, как ты выразилась, пню, твоему шефу, наверняка очень бы даже пришлось по душе.

АЛЕВТИНА. Что ты хочешь этим сказать?

ТАМАРА. То, что ты ему приглянулась не только как интересная интеллектуальная особа, с которой можно поговорить на любые темы, но и как очаровательная женщина, способная вскружить голову любому козлу в штанах, как старому, так и молодому.

АЛЕВТИНА. Ну, спасибо тебе! По твоим словам выходит, что только козлам я и в состоянии приглянуться. Нормальный мужчина, стало быть, клюнуть на меня уже не может.

ТАМАРА. Ну, ты прямо, будто вчера родилась, Алька. Ей богу! Где ты видела нормальных мужиков-то? Откуда им взяться? Кроме твоего Антона и моего Никиты, все остальные, настоящие козлы. Так как твой Антон у тебя уже есть, а своего Никиту я тебе, сама понимаешь, предложить не могу, то и получается, что больше-то настоящих мужиков и нет. Остались только настоящие... ну, эти самые, с рогами.

АЛЕВТИНА. Вот только насчет рогов, давай не будем.

ТАМАРА. А, поняла! Я и забыла совсем, что Антон-то твой давно уже примерил их на себе.

АЛЕВТИНА. Еще слово об этом скажешь, и я не знаю, что я с тобой сделаю!

ТАМАРА. Не обижайся, Алька, я же не со зла. К тому же, Антон ведь об этом не знает, а стало быть, и рогов, как таковых, он не имеет. Вот если узнает, тогда...

АЛЕВТИНА. Тамара, ты специально меня выводишь из себя?

ТАМАРА (легонько бьет себя по губам). Всё-всё, молчу. На эту тему больше ни гу-гу!...

АЛЕВТИНА. Смотри мне!

ТАМАРА. Давай попробуем еще поискать мою брошку.

АЛЕВТИНА. А как твоя поясница?

ТАМАРА. Сейчас посмотрим (встает и пытается нагнуться). Ой, кажется, еще не отпустило. Может, ты сама пока поползаешь? А я отсюда буду корректировать твои движения.

АЛЕВТИНА. Ага! Я, значит, буду ползать на четвереньках вокруг беседки, а ты, стало быть, сверху, будешь руководить парадом. Так, что ли?

ТАМАРА. Ну зачем ты так! Ты же видишь, я не могу опуститься на колени. Вернее, опуститься я, наверное, и смогу, но вот подняться потом, уже вряд ли получится. А брошку же все равно надо найти!

АЛЕВТИНА. Хорошо, я согласна еще раз поползть перед тобой на коленях, но только при одном условии.

ТАМАРА. И что это за условие?

АЛЕВТИНА. Ты мне открываешь тайну своей брошки. А иначе, ползай сама.

ТАМАРА. Ах, ты так!

АЛЕВТИНА. Да, именно так!

ТАМАРА. Ну хорошо, подруга, хочешь моей гибели, ладно. Вот сейчас упаду здесь в траву и помру. А ты потом кусай себе локти (и она медленно встает, выходит из беседки и начинает нагибаться, стараясь стать на четвереньки). Так, еще немного... Ой!.. (наконец-то принимает собачью позу) Ну вот и отлично (делает вид, что ищет брошку).

АЛЕВТИНА. Ну и упрямая же ты, Томка! Даже своего здоровья не жалеешь, чтобы только не раскрыть этот свой идиотский секрет.

ТАМАРА. И вовсе он не идиотский, а самый, что ни на есть, секретный. И это тебя коробит.

АЛЕВТИНА. Да ладно! Коробит меня. Скажешь тоже!

ТАМАРА. Коробит, коробит. Я же вижу. Однако ничего у тебя, подруга, не выйдет. Раз я сказала, не выдам секрет, значит, так тому и быть. В наше нелегкое время нужно твердо стоять на своих принципах.

АЛЕВТИНА. И давно ты стала такой принципиальной?

ТАМАРА. Возможно и недавно, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Вот ты меня заставила ползать в этой траве, больную, почти инвалида, и я буду ползать, и найду то, что ищу. А тебе пусть будет стыдно.

АЛЕВТИНА. Ползай, ползай. Тем более что у тебя это здорово получается. Выглядишь, как комбайн на уборочной.

ТАМАРА. Смейся, смейся. Вот сейчас отброшу здесь коньки, тогда посмеешься.

АЛЕВТИНА. Не прибедряйся. Ты еще всех нас переживешь. Принципиально.

ТАМАРА. Ой, что-то кольнуло! В глазах потемнело! Ой-ой! (и она расплывается на траве)

АЛЕВТИНА. Эй, Томка, ты чего?! Перестань дурить! (подскакивает к подруге и склоняется над ней) Не пугай меня! А ну-ка, поднимайся! (дергает Тамару за рукав, но та не шевелится) Ой, Господи! Томка, я же не хотела! Да ну его к черту этот твой секрет! И брошку эту, тоже к чертовой матери! И меня, к чертовой бабушке! Только поднимайся! Это ж надо, до чего я довела тебя! Боже мой! Надо же что-то делать! «Скорую»!.. Надо вызвать «скорую помощь»!

ТАМАРА (внезапно оживает). Да нет, не надо никакой «скорой» (поднимается, как ни в чем не бывало, и обтряхивает свою юбку от земли). А мне понравилось, как ты послала себя к чертовой бабушке. И насчет моего секрета, это тоже правильно. А вот по поводу брошки, здесь я не согласна. Ее нам обязательно нужно найти.

АЛЕВТИНА. Ну и стерва же ты, Томка! Разыграла тут комедию с трагическим финалом.

ТАМАРА. Финал, как раз, получился совсем не трагический. Я жива-здорова! Хэппи-энд, как выражаются в цивилизованных странах.

АЛЕВТИНА. Трагический финиш, это для меня. Ты, своим этим спектаклем, убила во мне светлые чувства нашей дружбы. Разве ты этого не понимаешь?

ТАМАРА. Ну ладно тебе, Алька! Это был просто розыгрыш, и не более того. А ты забыла, как меня, лет пять назад, разыграла подобным образом? Я прихожу к ней на «день рождения», а она лежит на диване и помирает! Нотариуса вызвала, завещание диктует. Антон на себя не был похож. Весь извелся, пока ты играла роль уходящей на тот свет.

АЛЕВТИНА. Да это же совсем другое было! Я хотела проверить чувства Антона. Как он на самом деле ко мне относится.

ТАМАРА. Да-да, я помню. У тебя тогда был, если можно так выразиться, переходной период. Молодость уже ушла, а зрелость еще не наступила. Вот тебя в этом пустом пространстве и переклинило. Ты заподозрила Антона в неверности чуть ли не со всеми бабами города. Мало того, тебе пришла в голову сверхбредовая мысль, что он жаждет твоей смерти, якобы для того, чтобы жениться на другой. Казалось бы, что может быть глупее. Хочешь жениться на другой, какие проблемы! Разведись, и женись себе на ком угодно! Но ведь ты знаешь, что твой Антон не такой. Ты придумала себе, что он совершенно отличается от других. Он никогда не сможет развестись с тобой, потому что не в силах сделать тебе больно. А не разведясь с тобой, он никак не может жениться на другой. И единственным выходом для вас обоих, как ты проанализировала в своем больном воображении, как ни мерзко и безнравственно это звучит, была твоя смерть. Тогда он не мог бы уже принести тебе боль, покинув тебя. Ведь ты покинула его первой; оставила его в этом мире, а сама отправилась в мир иной. И в этом случае Антон со спокойной совестью мог жениться на другой. Никто никого не обманывает, никто никому не наносит душевные раны. Все в полном порядке. Ты счастлива на небесах, в окружении симпатичных смазливых ангелов, а твой Антон радуется земным благам в объятиях другой; и уже, как бы, не совсем он и твой.

Проблема состояла лишь в том, что тебя саму такой расклад ну никак не устраивал. Он, по твоим соображениям, устраивал только твоего мужа. И ты решила отомстить ему за унижение собственного достоинства. Но для начала тебе необходимо было окончательно убедиться в своих подозрениях и предположениях. И ты разыграла умирающую. А для пущей убедительности пригласила нотариуса, который должен был сыграть, сознательно или нет, этого уж я не знаю, свою роль в оформлении завещания. Но я-то ведь сразу раскусила весь этот твой замысел! Зато Антон все принял за чистую монету. И как тебе потом было стыдно, когда ты поняла, как он тебя по-настоящему любит, и насколько были глупы все твои предположения и подозрения. И как потом мы напились вдвоем до умопомрачительного состояния в каком-то подвале. И как ты мне излила всю душу, потому что больше излить ее тебе было некому. Кто как не я лучше всех понимает тебя и любит. Любит, я имею в виду, как подругу, разумеется... Ну, чего молчишь? Я тут, понимаешь, распинаясь, ворошу твое туманное прошлое, точнее, маленьких кусочек этого прошлого, а она стоит и молчит, будто в переполненном лекционном зале, где не хватает посадочных мест.

АЛЕВТИНА. Ну что я могу сказать. Мне действительно очень стыдно за тот эпизод из моей жизни. Стыдно до сих пор. Как я могла об Антоне такое подумать! Это просто затмение какое-то на меня нашло. И главное, я ведь не сразу раскаиваться-то начала. Уже потом, когда переварила все это. Слава Богу, хоть Антон, так, в общем-то, ничего и не понял. Вернее, он понял, что, собственно, происходит, и ужасно за меня испугался, но не понял, что все это была лишь игра; глупая и жестокая.

ТАМАРА. Да будет тебе, Алька, причитать! Ты ведь это устроила, можно сказать, из-за большой любви.

АЛЕВТИНА. Понятное дело! Ты знаешь, как я Антона люблю! И он меня любит не меньше; я в этом абсолютно уверена.

ТАМАРА. Ну вот видишь! Такая большая обоюдная любовь, и без общих детей. Как-то это не по-нашему.

АЛЕВТИНА. Да, Томка, ты полностью права. Рожу-ка я Антону парня. То-то счастье ему будет! И пусть все вокруг обзавидуются!

ТАМАРА. А может мне тоже, потрянуть стариной! Будем вместе пузатые ходить. Наверняка тогда все соседи мозгами тронутся!

АЛЕВТИНА. Да тебе-то, Томка, чего переживать по этому поводу! У тебя трое пацанов.

ТАМАРА. Вот именно! Трое пацанов. А я еще девчонку рожу Никите. Чтоб не расслаблялся.

АЛЕВТИНА. Ну, разве что вам дочки не хватает для полного счастья. Эх, Томка, хорошо тебе! У тебя с Никитой три сына. Все, как на подбор. Все от любимого человека,

от Никиты. И никаких тебе проблем. Никакой тебе нервотрепки, что вскроется факт измены.

ТАМАРА. Так-то оно так (смущенно оправляется), да только есть у меня в этом вопросе некоторый нюанс. Раз уж у нас пошел такой откровенный разговор, то...

АЛЕВТИНА. Томка, неужели ты тоже?! Неужели кто-то из твоих ребят не от Никиты?!

ТАМАРА. Ох, как ты развеселилась! Загорелась, будто новогодняя елка.

АЛЕВТИНА. Да ладно тебе, Томка! Я же тоже переживаю за тебя. Ну, кто это? Егор?.. Стас?.. Денис?..

ТАМАРА. Так я тебе сразу все и выложила! Зря я вообще тебе намекнула. Теперь не отвяжешься.

АЛЕВТИНА. Конечно не отвяжусь. Ну так, кто это?.. Егор, так ведь?.. Он самый старший, значит... такая же ситуация, как и у меня. Да?.. Ты до свадьбы успела еще немножко погулять, ну и чуть-чуть не рассчитала. Так?..

ТАМАРА. Ты прямо, как следователь. Еще предложи мне чистосердечно признаться, и тогда наказание будет значительно мягче.

АЛЕВТИНА. А еще можно представить, что ты на исповеди. Я в роли святого отца, твоего духовника, и ты мне без утайки изливаешь свою душу. Все, что накопилось. А я, естественно, обещаю сохранить тайну исповеди.

ТАМАРА. Если я изолью тебе все, что у меня накопилось на душе, боюсь, тебя кондрашка хватит. Ты ведь и о себе можешь услышать кое-что, не совсем лицеприятное.

АЛЕВТИНА. Томка, ты чего! Какой еще камень за пазухой ты держишь против меня?!

ТАМАРА. А твои шуры-муры с моим Никитой за день до свадьбы! Забыла уже?

АЛЕВТИНА. Да ничего же тогда не было! Томка, ну мы же уже об этом говорили! Ты просто все не так поняла. Никита, всего-навсего, помог мне застегнуть молнию на платье.

ТАМАРА. Ага, застегнуть! А после чего это он застегивал на тебе платье?! Я, очевидно, немного опоздала, и видела уже лишь титры. А само кино пропустила.

АЛЕВТИНА. Да перестань, Томка! Платье было новое, не разношенное. А ты ведь помнишь, какие платья я тогда покупала. На размер меньше. Чтобы оно хоть чуть-чуть делало мою фигуру стройнее. Ну вот, не так повернулась, молния и расстегнулась. А так как она находилась в очень неудобном месте, я и попросила Никиту, помочь мне ее застегнуть. Да разве бы я рискнула, за день до твоей свадьбы, иметь что-то с твоим женихом. Что я, враг своему здоровью? Ты же в молодости такой ревнивой была, что запросто могла повыдергивать все косы за своего Никиту. Тем более что ему-то, как раз, ничего не угрожало. Застукай ты нас действительно в интимном состоянии, по полной программе получила бы только я одна, а Никита у тебя был бы в качестве жертвы. Он ведь у тебя такой доверчивый и такой наивный, что его может любая окрутить и чуть ли не изнасиловать. Так ты, кажется, его охарактеризовывала. И окажись он в постели с какой-то женщиной, то виноватой во всем, в твоих глазах, была бы только она. И только она, попадись тебе под горячую руку, лишилась бы и своих волос, выдранных тобой, и остальной своей привлекательной внешности, расцарапанной и отмеченной многочисленными ушибами и ссадинами.

ТАМАРА. Да, я и сейчас так считаю. Мой Никита не может по собственной воле увлечься какой-нибудь курицей. Если подобное и произошло бы, то значит, его, либо околдовали, либо чем-то опоили. Уверена, что после этого он страдал бы не меньше, чем я. Он чувствовал бы свою вину до конца своих дней. Никита любит только меня. И только со мной он может по-настоящему чувствовать себя мужчиной. Другие женщины для него просто не существуют.

АЛЕВТИНА. Значит, ты считаешь, что Никита даже теоретически не способен увлечься другой женщиной и соблазнить ее?

ТАМАРА. Разумеется.

АЛЕВТИНА. Значит, если бы он в тот раз не помогал мне застегнуть молнию на платье, а наоборот, полностью бы снял с меня это платье, и ты бы увидела эту картину, то виновата была бы только я одна?

ТАМАРА. Конечно. Никита снял бы с тебя платье только в том случае, если был бы не в себе.

АЛЕВТИНА. Ну, спасибо тебе, подруга, на добром слове! Стало быть, раздеть меня может лишь мужчина, находящийся не в своем уме.

ТАМАРА. Да перестань, Алька! Это же касается только моего Никиты! Он один такой, на всем белом свете. А что касается тебя, так ты у нас всегда считалась самой шикарной. Нет, правда, Алька!

АЛЕВТИНА. Да ну тебя, Томка! Только в краску вогнала. Лучше вернемся к твоим детям. Так все-таки, кто не от Никиты? Егор? Я правильно поняла?

ТАМАРА. Ну, в общем-то, да.

АЛЕВТИНА. Я так и знала!

ТАМАРА. Что ты мелешь! Как ты могла знать?

АЛЕВТИНА. Да нет, не знала, конечно. Но вот сейчас вижу образ Егора, и невольно сравниваю его черты с чертами твоего мужа.

ТАМАРА. Ну и что?

АЛЕВТИНА. А то, что не нахожу я ничего схожего между ними.

ТАМАРА. Конечно, не находишь! Ты всегда была рассеянной.

АЛЕВТИНА. В каком смысле?

ТАМАРА. В самом прямом. Твое внимание постоянно держится от тебя на безопасном расстоянии. Поставь перед тобой двух близнецов, и ты будешь утверждать, что у них разные отцы.

АЛЕВТИНА. Ничего подобного! Я, может, и бываю иногда несколько, как ты говоришь, рассеянной, но не до такой же степени, как ты мне тут рисуешь! И то, что твой Егор совсем не похож на твоего Никиту, могу спорить на что угодно.

ТАМАРА. Конечно же, сейчас ты можешь спорить на что угодно, poste того, как я почти призналась.

АЛЕВТИНА (восторженно). Так значит все-таки Егор! Ну, Томка, ты просто супер!

ТАМАРА. Что ты называешь супер? То, что наши дети от других мужиков?! Так это совсем не супер, это позор. Мы, две старые кошелки, сидим здесь и обсуждаем длину рогов наших мужей.

АЛЕВТИНА. Да, ты права, это не самое приятное занятие. Но что делать! Такова жизнь! И все-таки тебе намного лучше в этом плане.

ТАМАРА. Это почему же?

АЛЕВТИНА. Да потому что, хоть рога у наших мужей и одинаковые, у тебя, как-никак, есть еще два аргумента, которыми ты можешь с полным правом гордиться, как настоящая жена.

ТАМАРА. Ты имеешь в виду Стаса и Дениса?

АЛЕВТИНА. Ну, разумеется.

ТАМАРА. А что ты скажешь на то, если я сообщу тебе, что рога у наших мужей не совсем одинаковые.

АЛЕВТИНА. Не поняла!

ТАМАРА. Ну, что они, в смысле рога, разной длины.

АЛЕВТИНА. Томка, да ты что! Ты серьезно?

ТАМАРА. Стала бы я шутить на подобные темы! Конечно, серьезно.

АЛЕВТИНА. Стас?.. Денис?..

ТАМАРА. Тебе это так интересно?

АЛЕВТИНА (демонстративно). Да нет, можешь не говорить. Я и сама догадываюсь.

ТАМАРА. Опять мысленно сравниваешь образ Никиты и двух оставшихся моих сыновей?

АЛЕВТИНА. А что, очень, даже, неплохо у меня это получается.

ТАМАРА (с иронической улыбкой). И каков же твой анализ?

АЛЕВТИНА. Это Стас.

ТАМАРА. Что, тоже не нашла в его чертах ничего, что могло бы хоть немного напоминать Никиту?

АЛЕВТИНА. Да, представь себе, не нашла.

ТАМАРА. Эх, Алька, подруга ты моя дорогая! Что ж это у нас с тобой совсем не так, как у нормальных семей! Детей, и то не можем иметь от любимых мужей! Рожаем, от кого попало!

АЛЕВТИНА. Что-то я уже совсем запуталась. Ты так говоришь, будто от Никиты у тебя вообще нет детей. Ну, хоть Денис-то его?

ТАМАРА (грустно качает головой). Да нет, конечно.

АЛЕВТИНА. Ну, ты, Томка, даешь! Даже в голове не укладывается. Да ты все рекорды побил! Моя проблема по сравнению с твоей, просто детская шалость. Вот это да-а!.. Даже не знаю, что сказать!.. Однако, как тебе удалось скрыть это от всех? В том числе и от меня.

ТАМАРА. Но ты же про свою Машку тоже мне не говорила.

АЛЕВТИНА. Да, но у меня один ребенок, а у тебя, как-никак, трое... Я не могу прийти в себя!.. Даже в самых смелых фантазиях я и представить подобного не смогла бы!

ТАМАРА. А можешь себе представить, если Никита вдруг узнает?

АЛЕВТИНА. Это будет что-то с чем-то!

ТАМАРА. А теперь пофантазируй, как мой Никита и твой Антон сидят за бутылкой водки и обсуждают неверность своих жен.

АЛЕВТИНА. И подумать страшно! Мой Антон хоть и тихий, но кто его знает, как он на это отреагирует. А Никита твой!.. Вспомни, как он разозлился на тех двух подвыпивших типов, которые орали под окнами нецензурные песни и никак не желали утихомириться.

ТАМАРА. Да, у нас тогда как раз Стасик заболел. Ох, и отделал он этих двух оболтусов! Пришлось «скорую» вызывать.

АЛЕВТИНА. Вот я и говорю: какая реакция будет у твоего мужа, когда он узнает всю правду?

ТАМАРА. Наверно такая же, как и у твоего Антона. Не смотря на то, что моя проблема в три раза глобальнее.

АЛЕВТИНА. Да, ты права, Томка. Количество тут уже вряд ли будет играть какую-то роль. Какая разница, обманула ты мужа один раз или три, если ребенка общего все равно нет.

ТАМАРА. Да, Алька, влипли мы с тобой по полной!

АЛЕВТИНА. И не говори!.. Слушай, Томка, а ты мне расскажешь, кто настоящие папаши твоих ребят?

ТАМАРА. Конечно, расскажу. Куда я денусь! Ты ведь не отстанешь. Но только не сейчас.

АЛЕВТИНА. Понятное дело, что не сейчас. Сядем как-нибудь вечером, возьмем бутылочку хорошего вина, и устроим маленький девичник. И раскроем друг перед дружкой все свои душевные тайны.

ТАМАРА. А отличная идея, кстати! Если верить некоторым источникам, после этого настает определенное внутреннее успокоение.

АЛЕВТИНА. Томка, а давай завтра! Чего тянуть.

ТАМАРА. Давай завтра. Мне, в принципе, все равно. Главное, чтобы наших мужиков рядом не было.

АЛЕВТИНА. Представляю эту картину! Мы с тобой, изрядно уже подвыпившие, ведем откровенный женский разговор, связанный с обильными рогами наших мужей, а они, в это время, сидят рядом и внимательно слушают все подробности, которые слетают с наших пьяных языков.

ТАМАРА. Такое только в кошмаре может присниться! Даже подумать страшно, что может произойти, если они узнают правду. Тогда, Алька, будем мы с тобой летать, как веники!

АЛЕВТИНА. Это уж бесспорно.

ТАМАРА. И так нам и надо будет, бессовестным дурам!..

АЛЕВТИНА. Полностью присоединяюсь к этой мысли.

ТАМАРА. А знаешь, мне сейчас так жалко стало Никиту! Ты себе представить не можешь!

АЛЕВТИНА. Очень даже могу! Мне Антона тоже, знаешь, как жалко! Надо с этим что-то делать.

ТАМАРА. Что делать, рожать! И срочно!

АЛЕВТИНА. Прямо сегодня ночью и начнем этот процесс! Давай?

ТАМАРА. С удовольствием! И пусть только попробуют сослаться на усталость, как это последнее время частенько бывает у моего Никиты.

АЛЕВТИНА. Или на отсутствие должного настроения, чем иногда пользуется мой Антон.

ТАМАРА. Не мешало бы им за ужином подсыпать чего-нибудь такого, от чего у них до самого утра не иссякнет желание.

АЛЕВТИНА. Знаю я одно народное средство. Там, правда, довольно таки специфический набор компонентов; зато результат фантастический. Неиссякаемая бурная страсть на протяжении всей ночи.

ТАМАРА. А ты сама-то пробовала?

АЛЕВТИНА. Нет, сама я еще не пробовала, но одна моя знакомая очень даже эффективно пользуется этим средством. Главное, соблюдать определенную меру. Передозировка может привести к пагубным последствиям.

ТАМАРА. И в чем же могут выразиться эти последствия?

АЛЕВТИНА. В том, что наши мужики нас, мягко говоря, замучают; в прямом смысле слова.

ТАМАРА. Звучит заманчиво. Всегда мечтала, чтобы мужчина замучил меня в постели.

АЛЕВТИНА. Я бы тоже была не против, но, думаю, в данном случае лучше придерживаться нормы.

ТАМАРА. А может попробовать таблетки? Я сейчас не помню названия, но есть такие, которые способствуют усилению мужской сексуальной активности.

АЛЕВТИНА. Да ерунда все эти таблетки! Уж поверь мне. Как-то я попробовала, подсунула Антону, растворив в стакане с минеральной водой. И что ты думаешь! Не прошло и пяти минут, как мой ненаглядный уже спал без задних ног.

ТАМАРА. Может ты перепутала и дала ему снотворное?

АЛЕВТИНА. Да ничего я не перепутала. Я потом еще неоднократно пробовала этот вариант. Результат тот же. К тому же, я перепробовала несколько разновидностей этих препаратов. И разница состояла лишь в том, что от одних он засыпал раньше, а от других чуть позже. Но самое главное, что никакие из этих препаратов, ни на йоту не подняли его сексуальную активность. И я вскоре прекратила эти эксперименты.

ТАМАРА. Ну а как же насчет народного средства?

АЛЕВТИНА. Думала, но пока что не решалась. Как я уже говорила, компоненты там слишком уж специфические.

ТАМАРА. Ладно, мы сделаем так. Сначала попробуем без каких бы то ни было допингов, а уж если у наших мужиков проявятся какие-то проблемы, все-таки тоже не мальчики уже, тогда уж, как говорится, сам Бог велел; прибегнем к народному средству.

АЛЕВТИНА. Согласна!

ТАМАРА. В таком случае, по коням!

АЛЕВТИНА. По коням!

ТАМАРА. Пошли.

АЛЕВТИНА. Побежали!

И они выскочили из беседки. Но Тамара вдруг остановилась.

ТАМАРА. Постой, а что мы тут делали, ты не помнишь? Кажется мы сюда пришли совсем не случайно.

АЛЕВТИНА. Конечно, не случайно. Мы же искали твою брошку!

ТАМАРА. А, да! Слушай, но надо же ее все-таки найти.

АЛЕВТИНА. Надо так надо! Давай попробуем еще поискать.

ТАМАРА (на секунду задумавшись). Послушай, Алька. Я тут подумала... А может, ну ее к черту, эту брошку? Только время зря потеряем.

АЛЕВТИНА. Но это же ваша семейная реликвия! К тому же, такая ценная ювелирная вещь! Да еще историческая.

ТАМАРА. Алька, я тебя умоляю! Никакая она не историческая.

АЛЕВТИНА. Как так?!

ТАМАРА. Больше скажу. Ценности эта брошка никакой не представляет. Обыкновенная бижутерия.

АЛЕВТИНА. Ты шутишь!

ТАМАРА. Нисколько. Просто как-то захотелось мне удивить соседей, а заодно и внедрить в свой дом семейную реликвию. Я даже не ожидала, что все получится настолько правдоподобно! В какой-то момент я и сама уже начала верить, что все это правда.

АЛЕВТИНА. Ну, ты даешь, Томка! Всех провела! Стало быть, это и есть тот секрет, который ты даже мне не хотела открыть?

ТАМАРА. Да, это и есть тот самый секрет.

АЛЕВТИНА. Но почему ты вдруг решила признаться? Почему решила отказаться от такой красивой семейной легенды?

ТАМАРА. Ну, потому, что, во-первых, как я понимаю, брошку мы уже не найдем, судя по всему она окончательно утеряна, а во-вторых, как-то стало немножко противно. Еще одна ложь. Еще одна фальшивая ценность в моей семье. Именно сейчас я поняла, что это уже явный перебор. Настало время исправлять положение.

АЛЕВТИНА. И все-таки, как-то, даже, жалко. Ведь пока был этот секрет, мне было ужасно интересно испытать его у тебя. А теперь этого секрета нет, и стало как-то немножко грустно.

ТАМАРА. Как я тебя понимаю, Алька! Я бы тоже, на твоём месте, огорчилась. Одно дело, когда секрет узнаешь, и совсем другое дело, когда узнаешь, что никакого секрета не было... Хотя, почему не было! Это как раз и был секрет, что никакого секрета нет. Разве не так?

АЛЕВТИНА. А что, действительно! Я же не знала, что секрета никакого нет! А это, как раз, и был твой секрет. А теперь ты мне его открыла.

ТАМАРА. Ну, вот видишь, как все замечательно! Просто, когда узнаешь чью-то тайну, или секрет, потом, после восторга или шока, в зависимости от полученной информации, всегда становится немножко грустно, потому как на одну тайну, или на один секрет, стало меньше. А всегда немножко грустно расставаться с той или иной тайной, не говоря уже о секрете; хотя это и одно и то же. В общем, нагородила я тут, черт знает что! Но основную мысль, я надеюсь, ты уразумела.

АЛЕВТИНА. Уразумела. Ты дала совершенно верную оценку этой моей грусти. Однако думаю, грустить мне долго сегодня не придется. Впрочем, как и тебе.

ТАМАРА. Еще бы! У нас на сегодня запланировано очень интересное и очень важное мероприятие.

АЛЕВТИНА. Вернее, на сегодняшнюю ночь. Я, признаться, уже начинаю потихоньку возбуждаться.

ТАМАРА. Меня тоже уже начинает пробирать это чувство. И с каждым мгновением оно становится все сильнее. Боюсь, как бы раньше времени не наброситься на Никиту, а то еще, чего доброго, испугаю его, и это скажется на его сексуальных возможностях.

АЛЕВТИНА. Я, как раз, тоже об этом думала. Надо бы, наверно, как-то подержаннее вести себя, до определенного момента.

ТАМАРА (смеется). В смысле, усыпить бдительность, а затем взять, как говорится, тепленьким?

АЛЕВТИНА. Что-то в этом роде. Хотя у моего Антона последние полгода эта бдительность спокойно себе спит и в ус не дует.

ТАМАРА. У тебя что, уже полгода ничего не было?

АЛЕВТИНА (лукаво улынувшись). С Антоном – нет.

ТАМАРА. Очень интересно! А я ничего и не знаю! И это моя лучшая подруга!

АЛЕВТИНА. Я тебе потом все расскажу. Такой романтический сюжет!

ТАМАРА. Расскажешь со всеми подробностями.

АЛЕВТИНА. А как же иначе!

ТАМАРА. Между прочим, я Никиту тоже уже давненько не баловала своим телом. Ну, ничего, сегодня наверстаем. Да так, что аж дым пойдет!

АЛЕВТИНА. Томка, а тебе не кажется, что мы похожи сейчас на Амазонок, выходящих на ночную охоту?

ТАМАРА. Кажется. И это ощущение невероятно как вдохновляет!

АЛЕВТИНА. И возбуждает!

ТАМАРА. Да, и возбуждает.

АЛЕВТИНА. Однако не пора ли нам уже действительно бежать?!

ТАМАРА. Пора, Алька, пора! Уже давно пора! За мной!

И Тамара убегает со сцены. За ней спешит Алевтина, ломает на ходу каблук, и кричит вдогонку:

АЛЕВТИНА. Томка, постой, подожди меня!

Она снимает туфли и босиком исчезает со сцены вслед за своей подружкой.

Занавес.